

ДУРСУН
АКЧАМ

Черная Бумага

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДУРСУН
АКЧАМ

Черная Бумага

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Ответственный редактор
А. З. РОЗЕНФЕЛЬД

Составитель
В. С. ГАРБУЗОВА

Перевод с турецкого

Акчам Дурсун.

А 44   Черная бумага. Рассказы. Пер. с турецкого. Предисл. В. С. Гарбузовой. Художник В. В. Локшин, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

72 с.

В сборник вошли рассказы современного турецкого писателя Дурсуна Акчама, посвященные жизни крестьян Восточной Анатолии. Рассказы потрясают страшной реальностью жизни турецкой деревни. Сын крестьянина, учитель средней школы в Анкаре, Дурсун Акчам пишет о том, что очень хорошо знает; за рассказ «Наши матери» писатель получил литературную премию.

А $\frac{70304-050}{013(02)-75}$ 194-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

И(Тур)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя современного турецкого писателя Дурсуна Акчама незнакомо советским читателям: его произведения на русский язык до сих пор не переводились. Да и у себя на родине писатель не приобрел пока широкой известности, хотя его рассказы и публицистические статьи уже обратили на себя внимание критики.

Творчество Дурсуна Акчама посвящено одной большой теме — жизни современной турецкой деревни.

Так называемый «крестьянский вопрос» по праву занимает одно из ведущих мест в турецкой литературе. Вот уже около ста лет писателей разных поколений волнует проблема жизни турецкой деревни. Этот вопрос остается весьма актуальным и в современной Турции.

В турецкой письменной литературе крестьяне как герои произведений появляются лишь в последней четверти XIX в. В первых литературных произведениях о деревне она обычно изображена в условно-романтическом аспекте; крестьяне наделены только добродетелями, жизнь их представлена в идиллических тонах. Таковы, например, пьеса Шемсеттина Сами-бея «Кровная месть, или Верность клятве» («Беса-яхут ахде вефа»), опубликованная в 1876 г., роман Веджихи «Дочь пастуха» («Чобан кызы»), вышедший в 1896 г.

Однако уже в этот период появляются произведения, авторы которых стремятся показать классовое расслоение деревни, эксплуатацию кулаками и ростовщиками бедняков. К таким произведениям можно отнести известную повесть Наби-заде Назыма «Кара бирик» (1892) и некоторые новеллы Халида Зии Ушаклыгиля, например «Повозка Али» («Алинин арабасы»), «Воспоминания о деревне» («Кёй хатырасы»), опубликованные в журнале «Сервети фюнун» («Богатство наук»).

Тяжелой доле крестьянина посвятили свои стихи, напечатанные также на страницах этого журнала, турецкие поэты Тевфик Фикрет, Мехмед Эмин Юрдакул, Али Экрем Болаир.

В начале XX в. «крестьянский вопрос» постепенно становится одной из основных проблем турецкой литературы. Нет, пожалуй, ни одного известного турецкого автора, который в той или иной степени не затронул бы ее.

В тридцатых годах в турецкой литературе определилось демократическое направление. Его виднейшие представители — Решад Энис Айген, Бекир Сытки Кунт, Садри Эртем, Сабахаттин Али — в своих произведениях описывали жизнь простых людей, надежды и чаяния «маленького человека». Они показали нищету, забитость, бесправие, прочно укоренившиеся в турецкой деревне¹.

Идеи гуманизма и демократизма получают широкое развитие в произведениях прогрессивных писателей послевоенных лет. Такие талантливые прозаики, как Яшар Кемаль, Орхан Кемаль, Кемаль Тахир, Самим Коджагёз, Орхан Ханчерлиоглу, в романах и рассказах дали правдивое изображение жизни крестьян, представили целую галерею запоминающихся образов. Во многих их произведениях выражен протест против современных условий жизни деревни.

Дурсун Акчам продолжает линию развития крестьянской тематики, проводившуюся его многочисленными предшественниками. Молодому писателю, вступающему на литературное поприще, предстояло во все расширяющемся потоке произведений, посвященных крестьянской тематике, обрести свое место, не пойти по проторенному пути. И к чести Дурсуна Акчама нужно сказать, что его рассказы о турецкой деревне оригинальны и по стилю, и по содержанию. Писатель никому не подражает. Его самобытные произведения дышат правдой. В них нет лжи и литературных прикрас. Он создает художественные произведения, позволяющие делать большие обобщения социального характера.

* * *

Дурсун Акчам родился в 1930 г. в деревне Ёльчек Ардаханского района, в семье крестьянина. С раннего детства Дурсун Акчам познал тяжелый труд: работал в поле, пас скот, случалось и батрачить. Грамоте будущий писатель научился во временно открытой в его деревне народной школе. Затем он уехал в маленький уездный город, где блестяще выдержал экзамен и был принят в четвертый класс средней школы.

С 1945 по 1950 г. Дурсун Акчам учился в Сельском институте (готовит учителей для сельских школ). После окончания института в течение шести лет работал сельским учителем в различных районах Восточной Анатолии. В 1958 г. окончил литературное отделение Педагогического института в Анкаре и снова учительствовал в сред-

---

¹ См. сборники рассказов Сабахаттина Али — например, «Асфальтовая дорога» (М., 1950), «Доходный дом» (М., 1951), — а также сборники «Турецкие рассказы» (М., 1942), «Рассказы турецких писателей» (М., 1954), «Наша улица» (М., 1962), «Стеклянный дворец» (М., 1964).

них школах и лицеях Ардахана, Кесика и Кырыккале. В последние годы Дурсун Акчам — учитель турецкого языка в школе Демирбахче в Анкаре.

Статьи и рассказы Дурсуна Акчама, опубликованные в различных газетах и журналах, принесли их автору некоторую известность. В 1963 г. за рассказ «Наши матери» («Бизим аналар») он получил первую премию газеты «Миллиет».

Первый сборник рассказов «Лань» («Марал») Дурсун Акчам издает в 1964 г. В этом же году был опубликован и первый его сборник статей под названием «Матери и дети» («Аналар ве чоджуклар»). В 1966 г. был напечатан сборник очерков «Муки рождения» («Догум аджысы»).

Второй сборник рассказов Дурсуна Акчама, «Хлеб для покойника» («Ёлю екеми»), вышел в свет в ноябре 1969 г.

Положительно оценивая произведения Дурсуна Акчама, турецкая критика отмечала большое эмоциональное воздействие на читателя его рассказов. И вправду, «просто волосы встают дыбом», когда читаешь об анатолийских крестьянах, умирающих от голода в страшной нищете, о людях притесняемых, презираемых и забытых. И, хотя на первый взгляд многие рассказы посвящены чисто внешним событиям из жизни деревни — гибели вола (или коровы), приезду благополучных, сытых горожан на веселый пикник, нежеланию отца учить дочь и т. п., художественная сила повествования Дурсуна Акчама такова, что читатель видит все изображаемое как бы «изнутри», познавая душу, проникая в сознание турецкого крестьянина.

Тонкая наблюдательность Дурсуна Акчама, глубоко понимающего психологию турецкого крестьянина, позволяет читателям заглянуть в страшный мир бесправия, бедности, темноты и невежества. В мир, где женщина все еще не имеет никаких прав, в том числе и на образование, где потеря коровы воспринимается как утрата члена семьи, кормильца, где нищета доведена до крайнего предела, а человеческих радостей просто никто не знает. И вся жизнь, весь ее бытовой уклад окутаны мраком невежества и религиозного фанатизма.

Особенно жуткое впечатление производит рассказ «Хлеб для покойника»; мысли маленького мальчика, представленные автором как бы в обнаженном виде, вызывают у читателя страшное, гнетущее чувство.

Некоторые рассказы Дурсуна Акчама откровенно автобиографичны, и это помогает нам понять те условия и ту среду, в которых вырос писатель.

И все же не все рассказы Дурсуна Акчама дышат безысход-

ностью. Автор иногда пытается, правда намеком, указать возможный путь к исправлению создавшегося положения (рассказ «Горожане», например).

Стиль изложения Дурсуна Акчама, сжатый, лаконичный, чрезвычайно сдержанный, вначале кажется даже излишне сухим. Но именно эти сжатость и сухость, эта простая констатация фактов придают исключительную убедительность повествованию в целом.

В рассказах почти нет детальных описаний природы, нет или почти нет описаний внешнего облика героев. Но, несмотря на это, мы ясно представляем и природу, и быт турецкой деревни, перед нами встают живые образы крестьян, мы слышим их речь, понимаем их мысли, страдаем и печалимся вместе с ними.

Как настоящий художник современного типа Дурсун Акчам умеет несколькими штрихами создать картину, поражающую своей четкостью и чистотой линий. Писатель широко использует богатства устной речи, мастерски строит диалог, передающий подчас диалектные особенности речи крестьян.

И лаконизм изложения, и скупость слов в изображении событий — определенный стилистический прием, помогающий автору убедительно показать жизнь крестьян, их бедствия и бесправие, отбросив все второстепенное, незначительное.

Дурсун Акчам, как и его предшественники, в своем художественном творчестве поднимает вопрос о положении турецких крестьян. И ставит он этот вопрос резко и остро, вынося суровый приговор тем условиям, в которых все еще не нашли своего разрешения давно наболевшие проблемы. В этом прежде всего художественная сила обличительных произведений Дурсуна Акчама.

Рассказы, помещенные в настоящем сборнике, взяты из турецких сборников «Лань» и «Хлеб для покойника».

В. С. Гарбузова

ГОРОЖАНЕ

Хайдо и Шеро гнали коров прямо к лесу. В основном это были соседские коровы, их же семьям принадлежали только пять. По дороге они встретили Сафо, она пасла корову Джейран. Увидя Сафо, Шеро закричал:

— Мы идем в дубняк! Пойдем с нами!

— Не могу, моя Джейран совсем больна, — откликнулась девочка.

— Идем, ничего с ней не будет, ящур это!

— И вовсе не ящур, видишь, нога распухла у скотины.

— А кровь пускали?

— Отец пускал.

— Ну, не обращай внимания, мы пойдем медленно.

— А разве можно идти в лес, да и что там есть, в лесу-то?

— Городские...

День был воскресный. Горожане должны были приехать на пикник. В четырех-пяти километрах от деревни Телли-пынар широко раскинулись сосновые леса, дубовые рощи, зеленые луга. В июле и августе здесь запах сосен смешивался с ароматом цветов. Из города в этот день приезжали на грузовиках зажиточные, уважаемые люди, — они брали холодную воду из источника, жарили молодую баранину, пили вино, развлекались, отдыхали, затем возвращались домой.

Вот их-то и называл Шеро «городскими». Он видел этих горожан однажды, когда пас коров. Крестьянам, правда, здесь делать было нечего. Строевой лес! Давно им запретили добывать тут дрова. Они боялись сюда и шагу ступить.

Сафо, тихонько подгоняя Джейран, подошла к Шеро.

— Эти городские, кто они такие? Они накормят, что ли, человека?

— Конечно, накормят, да еще как! Сколько влезет в тебя...

Сафо остановилась. Мать сказала, чтобы она пасла корову поблизости, не гоняла далеко скотину. Но так хотелось пойти с мальчиками в лес...

— Не бойся, ты ведь нам как сестра. Твоя мать нам тоже не чужая, — сказал Шеро.

— Это верно, вы мне тоже как братья, да только... Кто же они такие, городские? Расскажите толком!

— О, видела бы ты их хоть раз! Один только раз! Ей-богу, разинула бы рот! Все городские — женщины и мужчины — приезжают туда...

— Да какое у них дело в лесу?

— Приезжают веселиться. Еды привозят — полным-полно. Круглых хлебцев — без счета! А городской круглый хлеб, сама знаешь, первейшего сорта...

— Ну и что же, они все сами и съедят.

— Эх, ты! Горожане — народ слабый! Все они не съедят. И что останется — назад не повезут. А вот когда они уедут...

В разговор вмешался Хайдо:

— Куски белого хлеба, куски мяса, целые луковицы, хорошо пахнущие корки...

Шеро его прервал, важно сказав:

— Знаешь, Сафо, я первым узнал об этом. Я же потом сказал Хайдо...

— Верно. И я нашел мясо. Наелся до отвала!

Сафо схватила его за руку.

— Побожись!

— Четырьмя коранами!

Шеро сказал наставительно:

— Э, да что там клятва! Горожане такие слабые, что и кости как следует не обглаживают!

Сафо произнесла мечтательно:

— Если бы мы нашли белый хлеб, я свой пай отнесла бы матери!

— Кому хочешь. Я больному братишке приносил и белого хлеба, и яблок. Как только поел, сразу выздоровел!

— И яблоки бывают?

— А почему им не быть? Все что хочешь. Городские такие нежные, что откусят яблоко раз, другой и... бросят!

— Аллах! Чего только не бывает на свете! И какой же вкус у яблок? А кожура сладкая?

— Некоторые из них очень сочные, а по вкусу напоминают шербет, что варят на праздники. Кожура желтая у них, слаще вина. А некоторые яблоки имеют вкус винограда. Очень сильный запах.

— Ну, если так, то я тоже пойду! Только будем гнать скотину медленно, чтобы моя Джейран не устала!

Ребят охватило приятное возбуждение. Хайдо продолжал перечислять:

— Мы находили и бутылки...

— Правда? — поразилась Сафо.

— Да что я, стану тебе врать? Только смотри, никому ни слова! Чтобы другие ребята в деревне не узнали! А то все потащатся сюда.

— Разве я не понимаю! А если мы найдем бутылки, я возьму одну. Мать нальет в нее керосин.

— Обязательно найдем. Мы с Хайдо нашли по две бутылки. Большие такие...

Сафо развеселилась.

— Каждое воскресенье приезжают эти городские?

— Каждое. До самого месяца жатвы. У нас пятница — святой день, а у них — воскресенье.

— Они христиане, что ли?

— Христиане или евреи — не знаю, только городские они...

За болтовней они было позабыли о Джейран. А корова уже не могла идти. Из рта у нее капала пена.

Наконец Сафо заметила это. Она вытерла подолом пену, охватила Джейран за шею, поцеловала в глаза.

— Иди, матушка! Еще немного осталось! Что ты скоро увидишь! Раз только взглянешь — и вся болезнь пройдет! Ну, иди же... Я накормлю тебя городским хлебом, белым-пребелым, и еще вкусной кожурой, желтой-прежелтой, сладкой, как шербет! Честное слово, накормлю!

В семье Сафо корова Джейран была основной кормилицей. От нее был приплод — две телки и двухлетний бычок Джигал. Из-за бедности и постоянных недостатков ему не могли взять в пару второго бычка. Отец возлагал надежду на то время, когда Сафо выйдет замуж. «Эх, скорее бы росла дочка! А тут и Джигал превратился бы во взрослого быка!» Мать же считала, что

Сафо и так уже не ребенок, через год можно ждать сватов. А если посчастливится, то и сейчас хорошо бы выдать ее замуж. Отец говорил, что он не стал бы торговаться, а выдал бы Сафо за того, кто дал бы пару Джигалу.

Лес был уже рядом, когда Джейран вдруг остановилась, постояла немного и легла. Ребята повернули других коров и овец. «Пусть скотинка немного отдышится!»

Сафо опустилась перед Джейран на колени и стала причитать: «Милая моя, славная, боли твои я хочу себе взять!»

Если не поправится Джейран, у них в доме погаснет очаг. Они и так уже давно отказывали себе в том, чтобы съесть кусок хлеба с молоком. Сегодня утром надоили молока только миску. Ели, макая хлеб в молоко. Мать же к еде и не притронулась. Если бы отец не собирался косить, тоже не стал бы есть. Детям и то еле хватало.

Джейран уставилась глазами в землю. Челюсти ее подрагивали, зубы стучали. Сафо нарвала травы, поднесла корове. Та понюхала и отвернулась. Девочка хотела пальцами протолкнуть траву, но челюсти сомкнулись и трава упала на землю.

Видя все это, Хайдо нахмурился. Он все еще не мог забыть, как в прошлом году у них дома околела корова Сафие. Он сказал:

— Разделим наш хлебный пай на четверых. Один пай для Джейран. Да и кожуру ей отдадим!

Шеро поддержал товарища:

— Конечно! Скотина, как только хорошо поест, сразу выздоравливает. А в городском хлебе точно лекарство какое. Я как поел, сразу намного сильнее стал. Вот почему городские такие жирные, а цвет лица у них как огонь...

Сафо немного повеселела:

— Пусть только Джейран станет лучше, я и свой пай отдам ей. Сорок дней, сорок ночей буду поститься, все ей отдам!

Схватив корову за хвост и уши, ребята старались поставить ее на ноги. Джейран медленно поднялась. Сделала несколько шагов.

— Не бойся, ей будет полезен лесной воздух, — говорил Хайдо.

Наконец все вошли в лес. Шелестя, тихо покачивались сосны. Они стояли высокие и стройные, как калямы¹, вершины были зеленые.

Хайдо сказал:

— Эх, если бы одна из этих сосен была моя! Ничего больше я от Аллаха и не просил бы!

Шеро подхватил:

— Принесли бы ее домой, сделали бы оглобли к арбе, корыто, столб для коновязи...

Хайдо помрачнел.

— Только разве сторожа дадут! Чертовы дети!

Сафо вставила робко:

— Если они увидят здесь наш скот, не прибьют нас?

— Не бойся, не увидят!

Хайдо пошел вперед, стал всматриваться, глядя в сторону источника:

— Вон, уже приехали, честное слово, приехали! Вон они, там!

Шеро подбежал к нему и зашептал:

— Да не ори ты, собачий сын! Людей не видел, что ли?!

Сафо смотрела и не верила своим глазам. Там, между деревьев, сутились женщины. Руки и ноги у них были голые, шеи сильно открытые. У некоторых ноги вылезали из узких штанов. Пожилые женщины раскачивались в подвешенных на соснах гамаках, громко хохотали. Когда гамаки взлетали, у женщин развевались юбки. Но они нисколько не стеснялись. Мужчины же стояли рядом и разглядывали их.

— Мамочка, какое бесстыдство! — простонала Сафо, ей стало неловко перед мальчиками, и она отвернулась. Шеро усмехнулся.

— Ты совсем не видела еще мира, Сафо! Городские все такие! Да это что еще! Бывает, что мужчина кладет руку на спину женщины и даже ниже.

Сафо натянула на голову черный платок, концом его прикрыла рот.

— Так вот какие это праздники! Это же праздники распутства!

Хайдо не сдержался:

— Верно! Так их...

---

¹ К а л я м — тростниковое перо.

Шеро рассердился:

— Ну что тут особенного! Вот осел! Что случилось?

— Ты сам осел! Ослеп, что ли? Смотри-ка!...

Среди кустов целовались парочки. Мужчины крепко держали женщин за талию и за шею. Рты их были слепты, точно у сосущих телят. Но даже и это не удивило Шеро.

— Все городские такие, они не целуют в щеку, только в губы. Увидев первый раз, я тоже обалдел.

Один мужчина хотел повалить женщину, но она вырвалась и ушла. Хайдо выругался. Ребята растерянно переглянулись. Затем, точно ничего не произошло, пошли прочь.

Шеро погрозил кулаком Хайдо:

— Осел! Больше я тебя сюда не поведу!

Хайдо огрызнулся:

— Здесь ведь не поле твоего отца! Я сам приду, когда захочу!

Шеро с видом знатока стал объяснять Сафо:

— Надо хорошенько запомнить, что и как делают эти городские. Самые большие чиновники — городские, полицейские чауши — городские, тюремщики и начальники — тоже городские. Если уж они не знают, что хорошо и что плохо, так где уж нам знать? Среди этих, которые сейчас здесь, тоже много больших людей. Когда я увидел их в первый раз, чуть было не свистнул. Я тогда случайно зашел в гущу кустов... а там — мужчина и женщина... У городских очень свободные порядки!

Сафо слушала, уставясь в землю.

— А наши обычаи лучше. Их обычаи постыдные. Такие же, как в театре...

Сафо вспомнила свою мать. Однажды она без покрывала вышла к источнику и отец разбил ей голову кочергой. А Гюсо? За то, что она поговорила на дороге с парнем, ее так отколотили, что вот уже шесть месяцев прошло, а на ее лице все еще заметны следы...

Послышался треск. Ребята испугались. Может быть, это лесник? Нет. Оказывается, это из соседней деревни пришли женщины собирать хворост. Их рты были прикрыты яшмаками², лица — в поту.

---

² Яшмак — тонкое покрывало, которым женщины закрывали лицо.

Вдруг одна из женщин вскрикнула и упала на колени. Она поранила ногу веткой. Другая, постарше, бросившись ей на помощь, зацепилась подолом за куст.

— Ах, будь ты неладен! — и обратилась к девушке: — Ты что кричишь, что случилось?

— Да хворост все ноги исколол, тетя!

— Тьфу ты! Совсем ведь не заколол! Что ты воешь, как шакал!

— Мне показалось, что меня прокололо аж до самого сердца. Вон, гляди, кровь так и бежит.

Но старшую беспокоила своя беда.

— Вот из-за тебя платье порвала. Еще и год не относил. Муж увидит, что тогда будет!

Пораненная девушка оторвала кусок ткани от своего платья и начала перевязывать кровоточащие раны на ногах, бормоча потихоньку:

— Не зря говорят, что бедному человеку всегда не везет. Пропади она пропадом, эта проклятая жизнь! Дом того и гляди скоро упадет! Дров нет — очаг разжечь нечем. Да от хозяина еще достанется. Все плохо, все не так!

Она медленно поднялась, стала собирать развалившуюся вязанку хвороста.

Эти женщины напомнили Сафо о Джейран. Девочка почувствовала, как екнуло сердце. Из-за распутных горожан она совсем забыла о больной корове. Сафо побежала к ней. Джейран лежала на боку, тяжело дышала. Больная нога была вытянута.

— Матушка, несчастная моя! — запричитала девочка, вытирая морду коровы. Охватила ее за шею. Поцеловала. Но Джейран даже не понюхала хозяйку, не лизнула ее своим шершавым языком.

— Душа моя, лучше бы я заболела! — говорила Сафо. Она нарвала свежего клевера, разжевала его и поднесла корове. Та с трудом проглотила.

Когда Сафо была больна, мать ее делала так же. Она разжевывала сухой ячменный хлеб и кормила им дочку.

Подошли Шеро и Хайдо. Сафо жевала клевер.

Шеро сказал:

— Травой не наешься, подожди, пусть только уедут городские...

— А у меня в кармане есть кусок хлеба. Съедем его

вместе. Тогда дотерпим до отъезда городских, — предложил Хайдо.

Сафо вытерла слезы.

— Я не собиралась есть траву, хотела накормить Джейран.

Шеро обернулся к Хайдо:

— Ну что ж! Поможем и мы! Пусть скотинка поест!

Все трое начали рвать клевер, разжевывая его и кормить Джейран. Корова только глотала то, что ей давали. Наконец у ребят устали челюсти. Губы их стали зелеными.

Другие коровы и овцы собрались вокруг Джейран. Они, казалось, тоже издали наблюдали за горожанами. А там...

Баран, подвешенный к сосне, был уже освежеван. Медленно поднимался дым от очага, сложенного из трех больших камней. На траве были разостланы ковры, уставленные блюдами. Ребята увидели неизвестные им фрукты, зелень, закуски, удивительные бутылки.

— Вот это да! — воскликнул Хайдо. — Белый хлеб с человечесю голову!

— Нам повезло, у них много белого хлеба, все не съедят, — произнес Шеро.

— Я бы один съел два таких хлеба! Они, наверное, все съедят.

— Ты бы съел, а они не смогут!

Сафо глядела, округлив глаза.

— Чего у них только нет! Может, даже есть и птичье молоко!

— А что? Может, и есть! Городские — известно, как только себя не ублажают.

— Может, у них есть и плов из риса!

— Факт, есть, и молочная пища, и мясная, все, что ни пожелаешь!

— Интересно, едят ли городские пшеничный суп, кашу из кукурузы, затируху? — спросил Хайдо

— Нет, друг, городские не едят деревенскую пищу, они не опускаются до такой еды. Самое первое для них — это мясные котлетки. Видал ли ты их когда-нибудь?

— А вот и видал. В прошлом году я ходил в деревню Хочкер, к тетке. Она сделала нам котлетки. Уж такие были вкусные!

— А городская еда еще вкуснее!

— А из чего делают эти, ну, как их, котлетки? — спросила Сафо.

— Ты что, не знаешь, из чего? Из всего делают!

— Из мяса... — вставил Хайдо.

Шеро прищурился.

— Из мяса-то из мяса, но как делают!

Сафо вздохнула.

— Хорошо им! Рис, плов, мясо, котлетки, лук, молочная еда... Фруктов полно — яблоки, кизил, дикая груша...

— Да не едят городские диких груш! Это фрукт деревенский. Городские едят яблоки, вишни, сочные-пре-сочные! — терпеливо объяснял Шеро.

— Ну и ну! Как берегут себя чиновники!

По лесу распространился острый запах кебаба. Горожане расселись на коврах. Пока они ели и пили, дети наблюдали издали, глотая слюни.

Наконец Шеро повернулся к Хайдо.

— А ну, приятель, доставай свой хлеб! Я научу вас одной вещи...

Хайдо вытащил из кармана куски хлеба. Ребята разделили их между собой.

— Теперь пусть каждый закроет глаза и, втягивая в себя запах мяса, ест хлеб.

Хайдо удивленно воскликнул:

— Ах, чтоб тебя! И верно! Точно мясо ешь!

Шеро самодовольно:

— А ты что думаешь! Если бы я не научил, откуда бы вы догадались?

Сафо раскрыла глаза.

— А я и не почувствовала вкуса.

На этот раз Шеро рассердился на нее.

— А ты сколько раз в жизни ела мясо? Можно подумать, оно у вас бесплатное?

— Много не ела, но все-таки пробовала.

— Когда?

— Во время курбан байрама...

— А я ел, пожалуй, побольше всех вас. Зимой у дяди подход баран...

Хайдо перебил его:

— И я ел, когда у нас околела корова...

А между тем коровы и овцы постепенно приближи-

лись к пирующим. Девушки и молодые люди уже начали играть в мяч. Одна из девочек, почти такого же роста, как Сафо, побежав за мячом, выскочила из кустов прямо на корову. Та испугалась мяча, подпрыгнула, отскочила в сторону, затрясла головой.

С криком «Ма-ма!» девочка бросилась обратно, наступила на коровий навоз, поскользнулась и упала. На крик прибежали взрослые. Девочка плакала навзрыд, из глаз ручьем лились слезы.

Шеро испуганно попятился, начал отгонять коров от места пикника. На него закричала мать плачущей девочки:

— Проваливай отсюда, грязный мальчишка! Неужели не нашли другого места, чтобы пасти свой скот?!

И здесь горожане заговорили все сразу:

— Эй, медведи, разве здесь пастбище?

— Проваливайте, сукины дети!

— Вот собаки!

— Нигде нет покоя от таких типов, друзья!

Запачканную в навозе ногу девочки отмыли в холодной воде источника. Мать девочки громко запричитала:

— Ах, моя дорогая девочка! Вода холодна как лед! Не начались бы судороги!

Подошел доктор, осмотрел ногу. В двух местах были заметны синяки. Помазал йодом. Сказал:

— Не волнуйтесь, мадам, опасного ничего нет.

Эртогрул-бей, отец девочки, поблагодарил врача. Мать старалась успокоить дочь:

— Не бойся, моя пташка, коровы ничего плохого человеку не сделают...

Девочка сразу перестала плакать.

— Так это были коровы, мамочка? Они-то и дают молоко?

— Да, детка.

— И откуда же у них молоко выходит, мамочка?

— Вот видишь, отсюда — это вымя.

— И телята оттуда выходят?

— Ты слишком много разговариваешь, крошка, идем, я твои ножки согрею у костра.

Горожане, отдых которых был прерван на время этим происшествием, снова уселись на коврах и продолжали пиршество. Однако волнение их все еще не улег-

лось и они продолжали обсуждать инцидент. Больше всех кипятился Эртогрул-бей:

— Что делает в этом лесу скот?! Спит, спит, господа, лесничество!

Господа Фехим Сойтюрк, Хашмет Юджесой, Музаффер Шахиноглу, Мустафа Ялчин Гюнешдоган были согласны с его мнением.

— Да, господа, эти люди ведь не понимают ни красоты, ни прелести леса! Дай им в руки топор — и они в двадцать четыре часа порубят весь лес!

— Мои уважаемые эфенди, можно спорить до бесконечности. Но я уже не раз говорил, что этим людям не нужны гуманные законы. Демократия, культура и тому подобное... все это ни к чему. Ты будешь посылать им брошюры, устраивать конференции, обсуждать причины исчезновения прекрасных лесов, толковать об экологической пользе леса, устраивать праздники леса — и все напрасно, все бесполезно, мои эфенди. Этому народу нужен крепкий закон. Срубил дерево, напустил в лес скотину — получай за это палочные удары, а то и в тюрьму садись!

— Очень правильно вы изволили говорить, господин! Я придерживаюсь такого же мнения. Ведь это не люди. Толпа без всякого вкуса и без каких-либо понятий. Только кнутом... только кнутом... не знаю, достаточно ли я понятно выразился.

Водку допили, а словесные излияния все не прекращались. Зазвучала музыка. Молодые люди начали танцевать. Некоторые, расположившись в тени старой сосны, запели песню. В ней были такие слова: «Сосны глядят на звезды, как хорошо любить под сенью сосен...»

А между тем крестьянские женщины уже перевязывали собранный хворост веревками. Они тихо переговаривались, поминали горожан:

— Гяурская порода, собаки! Они бы нас когтями задрали!

— Дубы и сосны наши, а гулянка-то ихняя...

— Мужики у них что кобели, а бабы — чистые сучки.

— Так и взяла бы толстую дубину да отдубасила всех, приговаривая: «Работай, гяурская порода, работай!». Посмотреть бы, как эти господа и дамы стали бы жить на нашем месте!

— Дать бы им в руки плуг да борону!
— Лом железный, мотыгу и лопату...
— Толстые, как свиньи!
— Умеют пожрать! Видели ведь, с самого утра набираются.

— И жрут-то все разное...

— Мы растим овец, ходим за ними, а мяса от них и не пробуем. Все съедают эти обжоры!

Женщины навьючили себе на спины вязанки и, тяжело ступая, пошли к опушке. Им пришлось пересечь небольшой угол площадки, где происходил пикник.

Мужчины с бокалами вина в руках затуманенными глазами оглядывали крестьянок.

— Ну, посмотрите на них! Никакой разницы нет между ними и пещерными людьми!

— Точно караван бедуинов!

— Ну нет, эфенди, у кочевников груз несут верблюды.

— И головы закрыты, как у бедуинов. Как еще сохранилась черная сила прошлого! И это в наш-то век, в нашу пятидесятилетнюю эпоху Ататюрка!

— А разве мало поработал наш Ататюрк, чтобы вот таких приобщить к культуре? Совершены огромные перемены! Женский вопрос разрешен! Изменился внешний образ турка! И через пять-десять лет — вот тебе! Увидел бы их хоть один европеец — ославились бы на весь мир! Ты можешь быть европейцем с головы до ног, но тебя он даже не заметит, а вот их сразу отличит!

— Эфенди, некоторые левые постоянно толкуют о нищете и все приписывают ей. Но посмотрите, прошу вас, на платья этих женщин! На каждое пошло не менее семи метров ткани. Да на голове — метр. Итого восемь метров! Из этого ведь можно сшить два таких платья, как у наших дам! Верно?

— Как они ухитряются видеть через яшмаки, просто поразительно!

— Честное слово, они думают, что если бы мы увидели их лица, то сразу влюбились бы!

— Ха, ха!

— Прямо двуногие козы!

— Ноги как спички!

— Хворост тащат. А лесничий слепой, что ли?

— Взятки, эфенди!

В это время Сафо стояла на коленях возле Джейран, плакала и приговаривала:

— Бедная моя...

Хайдо пустил кровь из уха Джейран, но она даже не раскрыла глаз, лежала, опустив на землю голову, тихо стонала.

Подошел Шеро, осмотрел корову.

— С этой скотиной все кончено, друг, надо скорее сообщить домой.

Сафо припала к корове, громко зарыдала:

— Это ты привел меня сюда... ослиный сын! Ты... загубил... мою коровушку!

Хайдо крикнул: «Присмотрите за моей скотиной, а я сообщу!» — и убежал.

Из-за деревьев вдруг появился лесник Абдул Ченгиз-эфенди, который, прищипывая коня, поскакал прямо к ребятам.

— Эй вы, ослиные дети! Зачем скотину пригнали в лес?!

Он грозно размахивал плеткой, и Сафо, чтобы защитить Джейран, встала перед ней, принимая на себя удары. Шеро попытался спастись бегством. Но лесник нагнал его и сильно огрел плеткой. Тут он увидел Джейран и остановился.

— Подыхает? Хоть бы и остальные сдохли!

Он направил коня в сторону горожан. Увидев лесника, один из них воскликнул:

— Посмотрите, кто приехал!

Другой вскочил, раскрыл руки и сказал:

— Посмотри на меня, молодец, узнаешь?

Абдул Ченгиз отдал по-военному честь. Соскочил с коня. Замер по стойке смирно. Он узнал начальников, чиновников, почтенных торговцев. Ждал, что с ним поздороваются, пожмут руку. Но никто не сдвинулся с места. Допрос начал Эртогрул-бей:

— Сынок, судьба этого леса была вручена тебе. И надо было его беречь!

--- Так точно, бей-эфенди!

— Особенно эти места, возле источника!

--- Так точно, бей-эфенди!

--- Раз в неделю мы отдыхаем здесь...

— Это самое красивое место, бей-эфенди!

— Мне ты это не объясняй, ты сам этого не пони-

маешь. Ты позволяешь это место уничтожать и людям, и скотине!

— Мы бережем лес, бей-эфенди, из всех сил стараемся. Ни одной живой души сюда не допускаем. Потому что, как вы знаете, это заповедный лес...

-- Прекрасно, а что делает здесь эта скотина? Пожирает зеленые побеги, пакостит. Наша девочка вся измазалась в навозе. Еще немного — и мы потеряли бы ребенка!

В разговор вмешался Мустафа Ялчин Гюнешдоган:

— Ты должен очень внимательно исполнять свои обязанности. Сегодня, как видишь, наш пикник не удался. Ты, как видно, не понимаешь, зачем мы сюда приезжаем?

— Прошу прощения, эфенди. Сегодня в лес забрались браконьеры. Всех коров и овец отправлю к такой-то...

— Послушай, сынок, — сказал Хашмет Юджесой. — Генеральный директор лесничества — мой приятель. Я обязательно расскажу ему о случившемся. Ты понимаешь, что именно я ему расскажу?

Лесник побледнел.

-- Можете быть уверены, бей-эфенди, я сделаю все, чтобы превратить это место в сад роз!

— Хорошо, похоже ты, юноша, знаешь свое дело, — сказал Фехим Сойтюрк. — А почему ты пустил тех женщин в лес? Кто разрешил им рубить молодые деревья?

У Абдула Ченгиза задрожали колени, он опустил глаза.

— Нет, эфенди, нога женщины не ступала на мой участок. На этот счет ведь есть твердое указание шефа. Крестьянам запрещено брать здесь дрова.

Фехим-бей улыбнулся и показал на виднеющихся вдали женщин, уносящих хворост.

— А это кто?

Лесник остолбенел. Весь день его преследовали неприятности. И вот теперь эти женщины. Он, правда, забрал у крестьян немного масла и сыра... но неужели они не могли выбрать другой день, чтобы прийти собирать сухие ветки!

В воздухе просвистела пуля. Женщины обернулись. Что там такое? Увидели лесника. Побросали свои вязанки на землю. Но не успели отвязать веревки, как

подросел Абдул Ченгиз. Он грязно выругался, ударил подернувшуюся ему под руку женщину. Заставил женщины стащить весь хворост в одну кучу и поджег. Сухие ветки вспыхнули как лучина. Вместе с хворостом горели и веревки женщин!

Горожане с удовольствием наблюдали за этой сценой.

— Молодчина этот парень!

— Нельзя жалеть врагов леса!

— Как я уже говорил, господа, закон об охране леса...

Неожиданно к ним подошел Шеро. Небольшой складной нож в его руке был окровавлен.

— Дяденьки, Джейран умирает, мы не смогли ее зарезать, умирает без ножа!

Горожане переглянулись удивленно. Эти жалкие дети все еще не ушли?!

— Ну, нет сегодня покоя от этих ублюдков!

Шеро повторил:

— Джейран умирает, я ее не смог зарезать...

— Что ты говоришь, парень, что случилось с Джейран?

— Джейран, корова Сафо...

Они снова переглянулись.

— Кажется, корова подышает! — сказал Фехимбей. — У крестьян обычай — каждой корове имя давать!

— И что они от нас хотят?

— Чтобы мы зарезали корову.

— Честное слово, я и курицы в жизни не зарезал!

— Это ужасно, неужели при мне станут резать живое существо!

— Пусть позовут мясника!

— Да не волнуйтесь вы! Пусть подышает! Этот случай, может быть, научит их чему-нибудь. Не станут больше гонять в лес скотину.

Все эти слова слышал Шеро. Руки у него опустились. Он отошел. Снова вонзил нож в горло Джейран. Нож уперся в кость. Кровь не шла.

Вдали показалась группа людей. Это бежали крестьяне, узнавшие о черной вести. Впереди всех были отец и мать Сафо.

Они, побросав работу в поле, спешили к месту про-

исшествия с лопатами, мотыгами, косами, вилами на плечах. Крестьяне были в рубахах, босые, с открытыми головами. У всех на лицах — печаль.

Мать Сафо, как только увидела Джейран, побежала быстрее и заголосила:

— Ой, горе нам!

Она упала на корову. Ее с трудом оттащили. Женщина не могла стоять на ногах. Волосы ее растрепались, рассыпались по плечам.

Абдулу Ченгизу наконец за усердие были оказаны знаки внимания. Его подозревали. Дали стакан водки. Сказали ему, чтобы он собрал весь скот и отвел его к начальнику.

Эртогрул-бей, у которого уже изрядно кружилась голова, стал просматривать газету. Отбросил ее и снова отхлебнул вина.

— Опять зашевелились крайние течения. Коммунисты даже студентов в университетах стали агитировать.

Другие поддерживали:

— К занятиям не готовятся! Бьют окна у наших американских друзей!

— наших дорогих гостей!

Фехим Сойтюрк был уже сильно пьян.

— Да я сам бы... и правых... и левых...

Никто уже никого не слушал.

— Ататюрк... Эпоха... НАТО...

— Демократия... свобода... нация... нравы...

Из-за вершины горы Келеш вышла туча. Она быстро надвигалась. Солнце казалось разгневанным. Оно то скрывалось, то появлялось снова.

Хайдо и Шеро вместе пошли собирать коров и овец. Сафо осталась с матерью. Глаза обеих были красны.

Труп Джейран взвалили на телегу. Натужно погромыхая, телега тронулась, и все крестьяне потянулись за ней. Точно похоронная процессия.

А в лесу продолжали разноситься звуки джаза, тихо шумели, словно перешептывались, деревья. Снова начались танцы. Зазвучали песни. Раздавался громкий смех.

Этот смех болью отозвался в сердцах Сафо и ее матери, и они заплески печально:

Нет слов, чтоб рассказать о горе моем,
Бедя пришла, и пощады нет,
Умерла Джейран — рана в сердце моем.

Вдруг Элья Бозташ остановился. Волосы его торчали во все стороны, точно копыя.

— Соседи, подождите!

Все повернули головы. Замерли косы, лопаты, вилы.

— А ведь эти негодяи смеются над нами!

Глаза всех с гневом устремились на горожан.

Шеро прервал молчание:

— Когда умирала Джейран, они не зарезали ее, сказали: «Пусть подыхает!».

— Идемте, соседи, посчитаемся с ними, прогоним с нашей земли!

Раздались голоса:

— Идем! Идем!

Косы, мотыги, лопаты медленно поднялись. Там, где только что царил веселье, слышались испуганные крики и отчаянные вопли.

Из-за вершины горы Келеш приветливо улыбалось солнце. Шеро и Хайдо на этот раз должны найти много белого хлеба, много вкусных фруктов.

ЧЕРНАЯ БУМАГА

Кладбище больше деревни. И кладбище и деревня — нагромождение камней и земли. В августе из труб домов дым не идет. Если посмотреть издали, нельзя разобрать, где деревня, а где кладбище. Деревня и кладбище образовывали одно целое.

Месяц жатвы. Все от мала до велика ушли в поле. Деревня словно вымерла. Лишь кое-где дремали девяностолетние старики, да еще бегали малые дети. С утра до вечера они валялись в грязи и пыли. Своих матерей они видели только вечером.

Вот дурак! Надо же было мне приехать сюда, чтобы провести здесь свой двухнедельный отпуск, полученный с таким трудом. Я был точно иностранный турист, осматривающий развалины. Мной никто не интересовался. Я бродил без цели. А в деревне считается большим позором бродить так, без дела, в страдную пору.

Вдруг я куда-то провалился до плеч. Мои ноги болтались в пустоте. Откуда я мог знать, что здесь дом? Его крыша была вровень с землей. В деревне можно было по пальцам пересчитать постройки на поверхности земли: мечеть, лавка Джемалы... Впрочем, это не жилые дома.

Солнце уже в зените. Казалось, от жары и железо расплавится. У стены мечети, в тени, сидит, обхватив голову руками, какой-то человек. Почему он не пошел на работу? Подойдя поближе, я его узнал, это был сын Азиза — Мехмет. Мехмет был деревенским торговцем. Весь его капитал — пятнадцать лир¹. Он продавал мыло, зеркала, нитки, инжир и на вырученные деньги покупал муку, сыр и яйца по пять курушей² за пару. Затем с небольшой прибылью сбывал их в городе бакалейщику Али Искендеру, снова покупал разную мелочь и возвращался в деревню. Так он пытался прокормить семью из пятерых человек.

— Здравствуй, дядюшка Мехмет.

Он медленно поднял голову и ответил на приветствие. Лицо его заросло щетиной, глаза налились кровью. Голова была повязана грязной тряпкой. Одежда изорвана, из дырявой калоши торчал большой палец.

— Дядя Мехмет, ты что, не узнаешь меня?

— Как не узнать? Ты разве не Дурсун-эфенди, сын нашего Эюби-аги?

Ну и нашел же он агу! Для Мехмета мой отец, у которого было две коровы и пара быков, уже ага. Он явно не хотел разговаривать. Но я все же спросил:

— Ты сегодня не пошел на работу?

Мехмет совсем расстроился. Он поднял голову и посмотрел так, что мое сердце как будто пронзила стрела. Человеческий взгляд не мог выразить сильнее отчаяние, безысходность и ярость. Мехмет тяжело вздохнул. В такие дни для бедняков считалось большим позором не работать. У богатых не спрашивают: «Почему ты не пошел на работу?». А вот бедняку на каждом шагу говорят: «Газе можно болтаться без дела в такой день? И тебе не стыдно?». А если он обратится к кому-нибудь за помощью, в ответ обязательно услышит: «Парень, ког-

---

¹ Л и р а — основная денежная единица Турции.

² К у р у ш — одна сотая лиры.

да я летом обливался потом, ты прохлаждался в тени». Поэтому у крестьян и конца работе нет.

Мехмет объяснил, что не пошел на работу не по своей воле.

— У меня в семье человек умирает. — Говоря это, он вытер влажные глаза тыльной стороной ладони.

Я пожалел, что стал его расспрашивать. Мехмет помолчал и спросил:

— Рассказать все с самого начала?

— Расскажи!

— Твоя невестка заболела чахоткой. (Какая невестка мне его жена? Ей столько же лет, сколько моей матери!) Ты знаешь, в каком тяжелом состоянии находилась несчастная. Два месяца назад она совсем слегла. Я решил отвезти ее к врачу. Продал мыло, нитки, всякую мелочь, в общем, наскреб лир двадцать. Так как время было рабочее, я ни у кого не смог одолжить быков и телегу. Взял жену за руку и пошел в город. Идти было тяжело! Пекло. Жена совсем ослабела. Через каждые два шага она падала. Всю дорогу я нес ее на себе. До города мы добрались только к полуночи. Жена была как мертвая. Ночь мы провели на улице. Утром, когда уже солнце было высоко, пришел врач. Лицо несчастной почернело. Врач взглянул на нее и сказал: «Я лечу за деньги. Иди к государственному врачу». Я ему говорю: «Господин, жена умирает. Помоги ради Аллаха. Аллах велик. И ты тоже большой чиновник». — «Если у тебя есть деньги, я не возражаю». — «У меня всего двадцать лир. Только вылечи жену». — «Этих денег не хватит, да и на лекарства нужны деньги. Иди к государственному врачу». Пришли к государственному врачу, нам сказали, что его нет. В одной деревне кого-то убили, и он туда поехал. Велели подождать. Ждали мы долго. Уже поздно вечером появился доктор. Даже не посмотрев на нас, он сказал: «Сегодня прием окончен. Приходите завтра». — Я тебе надоел, эфенди. Прости.

Ночь мы провели на постоялом дворе у Мехмета-чавуша. На ночлег и хлеб ушло полтора ста курушей. На другой день к полудню подошла наша очередь. Врач послушал жену прибором и сказал: «Надо сделать рентген». Пошли на рентген. Жену раздели, уложили. Поверишь ли, эфенди, у нее все ребра можно было пересчитать.

Слезы душили его. Мехмет с трудом сдерживался. Он закрыл глаза, на землю упали две слезы. Иссушенная земля мгновенно поглотила их. Пару раз он затаился, будто сосал соску. Папироса погасла.

— Дай огонька, — попросил он. Я дал. Он продолжал:

— Не ищи жалости, брат, у людей. Техник говорит: «Заплатишь сто лир». Я сначала подумал, что он шутит. Говорю ему: «Я бедный человек. У меня всего восемнадцать лир. Курица пьет воду и боится Аллаха. И ты бойся Аллаха. Я в жизни не видел ста лир!» Куда там! Он так разозлился. «Ты меня, нахал, с курицей равняешь! Убирайся!» Я так и остолбенел. «Я ничего такого не сказал». Потом понял. Боже мой! Снова стал умолять его. Но он наотрез отказался. Тогда я сказал себе: «В конце концов у нас есть правительство!» Пошел к каймакаму³, говорю ему: «Да продлит Аллах дни нашего правительства. Несчастная умирает. Я ее привел к врачу...» Но каймакам отвечает: «Что же делать? Рентген частный. Я не могу вмешиваться». «Да pošлет Аллах здоровье господину. Я ведь тоже гражданин. Пожалей моих детей». Он сжалился, позвонил по телефону и сказал: «Иди, я договорился с техником. Он даст твоей жене бумагу по дешевой цене». И я снова пошел к технику. На этот раз он потребовал пятьдесят лир. Ты ему одно, а он тебе другое. Вижу, делать нечего. Пошел к бакалейщику Али Искендеру, рассказал обо всем. Сказал, что принесу яйца. С трудом получил пятнадцать лир, добавил к тому, что у меня было, получилось всего тридцать пять с половиной лир. Все положил перед техником. Тот покачал головой, достал какую-то черную бумагу и дал мне. «Что это, господин?» — спрашиваю. Он полусердито, полунасмешливо отвечает: «Мое дело дать тебе эту черную бумагу. Ты должен теперь отнести ее к врачу». Оказывается, он меня ограбил ради этой черной бумаги. А я-то думал, он жену вылечит! Наконец я отнес бумагу к государственному врачу. Тот смотрел-смотрел на нее, потом покачал головой, написал что-то на белой бумаге и сказал: «Иди в аптеку, возьми эти лекарства. В деревне твоей жене сделают впрыскивание. Когда лекарства кончатся, я выпишу

---

³ К а й м а к а м — начальник уезда.

еще». Я говорю: «Аллах милостив, но кто же у нас в деревне сделает впрыскивание?» Он отвечает: «Откуда я знаю?» Я дал белую бумагу аптекарю. Тот завернул лекарство и говорит: «Пятнадцать лир». Меня как будто кипятком обдали. «Все деньги забрал техник. У меня нет ни куруша». «Меня это не касается», — сказал он, развернул лекарства и положил обратно. Я начал умолять его: «Господин, если эта женщина умрет, мой дом погибнет. Ты же знаешь. Дай лекарства». «Иди в муниципалитет и скажи о своей беде».

Мехмет остановился.

— Ох, эфенди, рассказ мой долгий. Дай еще папиросу.

— Так ты пошел в муниципалитет?

— Разве можно было не пойти? Но все зря. Не дай бог никому испытать подобное.

— И что там сказали?

— «Ты не из города. А твоя жена не из семьи солдата». Куда я только не ходил! Один в чужом городе. Больная жена, в кармане ни гроша. Земля — железо, небо — медь. Я не знал, что делать. Пошел к Али Искендеру-эфенди и попросил у него денег, чтобы купить буханку хлеба. Он так сморщился, что те восемьдесят курушей, которые он дал, жгли мне руку. Я купил буханку хлеба, взвалил жену на спину и сказал: «Пошли в деревню. Здесь нас никто не примет». Через сутки добрался до деревни. Что дальше? Жене стало совсем плохо. Теперь она при смерти.

Из его глаз ручьем хлынули слезы. Черная борода стала мокрой, точно трава. Казалось, слова его выходили с кусками сердца.

— Мои дети останутся сиротами. Мой очаг погаснет. Теперь думаю, где взять денег на саван.

Кладбище напротив деревни было больше, чем деревня. И кладбище, и деревня — нагромождение камней и земли. Нельзя разобрать, где деревня, а где кладбище. Деревня и кладбище слились в одно целое.

СТАРИК КЮПЕЛИ ДЖЕФЕР

Скажем, пятнадцатое августа. Ячмень только что начал желтеть. Те, у кого кончилась мука и сносилась одежда, в нетерпении несколько раз в день бегают на

поле и показывают соседям сорванные колосья, говоря: «Созрел, теперь уже немного осталось ждать». Все ждут счастливых дней, кое-кто поджаривает колосья на противне.

А тут еще и самая пора сенокоса. Работа в полном разгаре. Крестьяне стараются скосить траву даже между деревнями и на границах полей. У всех полно забот.

В это время для Кюпсли Джефера наступают самые счастливые дни. С пояса у него справа и слева свешиваются два мешка. Один для ячменя, другой для пшеницы. Разговаривая сам с собой или напевая, он все время ходит между деревней и мельницей. Он помогает мельнику и дежурным при мельнице. Муку, которую он получает за работу, Джефер бережно насыпает в мешки. Когда мешки наполнятся, он привязывает их к поясу.

Джефер не может съесть всю муку, у него образуется запас. «Один человек все не съест, эфенди», — любит говорить он. Хлеб Джефер делает сам: «Иногда я делаю фетир¹, иногда кюллеме²». Хлеб он ест без масла: «Когда у меня бывает хлеб, я ем тутовые ягоды, а то и инжир».

Случается, что он отдает беднякам немного хлеба. Когда Джефер видит, что кто-то голодает, он не выдерживает.

— Дай мальчику тарелку и пришли ко мне. — Джефер подкручивает рыжие усы, сворачивает папиросу. Пшеничная мука дорога. Ее не в каждом доме найдешь. Поэтому Джефер много пшеничной муки собрать не может. Бывает, что один мешок у него остается пустым. Но он и здесь находит выход: делит ячменную муку поровну между двумя мешками. Если даже никто и не спрашивает, он говорит, что в одном мешке пшеничная мука, а в другом ячменная. Чтобы не оказаться лжецом, Джефер совсем не ест пшеничной муки, собирает ее и дешево продает тем, кто заходит к нему. Тем, у кого есть больные, отдает даром. Однажды мне захотелось поболтать с Джефером.

— Ну, как у тебя дела с пшеничной мукой?

---

¹ Фетир — плоский хлеб из пресного теста, который пекут на противне.

² Кюллеме — круглый хлеб, который пекут в золе кизяка.

Джефер остановился, подумал.

— Я понял, что ты сказал, эфенди. Я к тебе зайду.

Прошло больше месяца. Мне как-то не приходилось видеть Джефера. Однажды мы встретились по дороге на мельницу. Лицо его сияло.

— Потерпи, учитель. Ждать недолго осталось.

— Чего ждать?

— Потом узнаешь.

Мне было интересно, что же я потом узнаю.

Однажды, когда я возился с пчелами во дворе школы, пришел Джефер.

— Да будет милость Аллаха.

В мешке, который он держал в руках, была мука.

— Пшеничная мука, эфенди. Когда я шел сюда, ее попросил Данаджи Хасан, но я ему не дал, сказав, что обещал учителю.

В его голосе чувствовалась радость человека, отдающего долг.

— Ты бы лучше отдал муку Хасану.

Джефер растерялся.

— Не обижай меня, учитель. Я хотел сделать доброе дело.

— Но...

— Никаких «но». Пусть тебе испекут из нее что-нибудь. И ты поешь, и я. Мука моя, стряпня твоя.

Дело принимало дурной оборот. Из-за Джефера приходилось ссориться с тещей. Она не любит крестьян и всегда говорит: «Грязные крестьяне. Крестьяне в чарыках»³. А между тем она и сама была из крестьян. Вышла замуж за чиновника, пожила в нескольких городах и уже возомнила себя горожанкой. Она старается сделать из себя госпожу, но ее речь и манеры выдают в ней крестьянку. Хотя мы жили в деревне, я был вынужден тратить уйму денег на кур и яйца. Оказывается, «чиновники не должны заниматься такими грязными делами». Моя мать была настоящей крестьянкой и поэтому не могла ужиться с ней больше недели. Теща подает гостям чай с бисквитом, держит сахар, всюду льет одеколон. Обожает пить кофе, сидя в кресле. Делает вид, что курит. Все это должно показать, что она «госпожа».

---

³ Ч а р ы к и — грубая крестьянская обувь из бараньей кожи.

— Учитель, если ты сомневаешься, не беспокойся. Бери муку так, задаром.

— Прости, Джефер. Присядь. — Я угостил его папирсой.

Щеки его впали. Лицо заросло колючей щетиной. Глаза были тусклыми. Замасленная солдатская фуражка сдвинута набок. Из черной блузы без пуговиц виднелась покрытая седыми волосами грудь. Он весь сгорбился, стал как будто меньше ростом.

— Ты, учитель, о чем задумался?

— Сколько тебе лет, Джефер?

— Лет сорок, а может, пятьдесят. Видел бы ты меня в молодости, когда я работал у Курбана-аги. Тогда я из камня воду выжать мог.

Однажды Джефер увидел, как я хлестал быка Камера, который сломал дышло. Он пришел в бешенство. «Что ты хочешь от животного! — Он поцеловал быка в глаза и сказал наставительно: — Они наши отцы».

Джефер отдал всю свою жизнь тем, на кого работал. Что хозяева Джеферу давали, тем он и был доволен. Имущество хозяина он считал своим и обычно говорил: «Наш дом, наш бык, наше поле». Так проходили годы. Глаза его потускнели, ноги ослабели. От тяжелой работы Джефер нажил грыжу, но никто на это не обращал внимания. Он все же пытался кое-как делать то, что ему поручали. А «уважаемые хозяева» даже не давали ему работы, чтобы он мог поесть досыта. Куда Джефер ни шел, его отовсюду гнали. На висках у него были родинки. Поэтому его и прозвали Кюпели⁴ Джефер. Когда он был молод, никому и в голову не пришло бы дать ему такое прозвище. Джефер так и не привык к этому прозвищу и поэтому очень сердился на него. «Я прощу — Аллах не простит!»

У него была циновка, одеяло, сундук. Джефер называл сундук «комодом». Когда дела пошли совсем плохо, он стал просить милостыню.

— Просить милостыню не стыдно. Это нам завещал пророк, — говорил он.

Летом Джефер жил в сарае для соломы, зимой — в стойле. Когда его выгоняли, он ходил от двери к двери

---

⁴ К ю п е л и — букв.: «с серьгой».

с одеялом на спине и с сундуком в руках. Если не находил места, спал под открытым небом. Случалось, что Джефер ночевал на снегу в самую лютую стужу. Так как он не замерзал, говорили, что Джефер не простой человек, верили, что он обладает тайной силой.

— Что скажешь, учитель? Чистая пшеничная мука. Если не возьмешь, потом пожалсешь.

Я сказал, чтобы муку приготовили, как хотел Джефер. Мы пообедали вместе.

— Учитель, в этой деревне никто не живет лучше тебя и меня, — сказал он.

МЕЧТА ХАКА

Так прозвали мужа нашей соседки Атлас. Местные жители называют словом «хака» фрукты, засохшие еще до того, как они созрели. Только сторож Мысто и сборщик налогов Фермуз-эфенди знали, что его настоящее имя — Исмаил.

Ему было около сорока, но он походил на шестидесятилетнего старика. Может быть, именно поэтому ему и дали такое прозвище. Хака был маленького роста, горбатый, тщедушный, похожий на корявое дерево. Его иссохшее, обожженное солнцем лицо было таким же, как его чарыки.

Хака говорил, что он остался таким маленьким из-за того, что вырос у чужих людей, живя впроголодь. Сын хозяина выбил ему правый глаз. Исмаил, говорят, собирался пожаловаться, но так и не сделал этого из благодарности к хозяину. За глаз хозяин дал ему теленка. Слава Аллаху, что бы он стал делать, если бы хозяин не дал ему теленка?

У Хака было четверо маленьких детей, жена Атлас, теленок, которого он получил в уплату за потерянный глаз, и петух. Своего дома он не имел, жил он у хозяев, на которых работал. Он говорил: «Если только мне удастся найти место, где приютить детей, мне нечего больше просить у Аллаха».

Когда работников много, хозяева их не балуют. Однажды хозяин прогнал его. Хака с семьей очутился на улице. Некоторое время они ютились в сарае для соломы. Сарай весь был в щелях.

— Его называют приютом бедняков, эфенди. Был бы он моим, посмотрел бы ты, что бы я с ним сделал! — говорил Хака.

С летними дождями пришла беда. От воды, которая лилась в дверь и через крышу, сарай превратился в озеро. Дети стали похожи на грязных утят. Хака хлопотал, просил, умолял и наконец получил у Курбан-чавуша место для постройки дома. Вместе с женой целую неделю рыл яму для фундамента. Закрыть сверху ее было нетрудно. Хака отдал петуха надсмотрщику Шахин-эфенди, принес две вязанки хворосту. Сверху навалил кустарник.

Шахин-эфенди был скверным человеком. Если бы он хотел, он бы мог и не брать петуха. Он и сам был из бедняков, но забыл об этом. А ведь Хака хорошо знал его отца, Мурада. Как-то они вместе косили траву в Актепе. У такого чиновника, как Шахин-эфенди, жалости не ищи.

Что бы там ни было, у Хака был теперь свой дом. Правда, этот дом больше походил на курятник. Не беда, что он был маленьким, но он оказался слишком низким. Встать во весь рост в нем было нельзя. Из-за этого у Атлас стала болеть поясница. И если бы они еще могли сделать двери... Пока дверью служила циновка. Но когда наступит зима...

Однако настоящей заботой Хака было другое.

— Если бы только, эфенди, мне достать еще пару для моего бычка. Не пройдет и двух лет, они станут быками. С быками совсем другое дело. Бык — это кормилец. Я бы перестал быть рабом.

Отрывисто он продолжал объяснять:

— Ты не знаешь, эфенди. Быть работником — что огненную рубашку носить. Прошло мое время. Больше я не в силах выдержать. Если бы собака слышала хоть малую долю того, что я выслушиваю каждый день, она бы взбесилась. Что делать? Жить-то надо. Моя шея тоньше волоса. Если бы я мог достать пару для моего бычка, я бы сидел дома со своими детьми. И я был бы сыт, и они. С быком совсем другое дело.

Вот и жатва в самом разгаре. Тот, кто не работал, стыдился тех, кто работал. Для Хака наступили жаркие дни. Он был дешевым поденщиком. Не только кулаки, даже середняки давали ему работу.

Однажды Хака пришел ко мне. Он был весь в поту и грязи, лицо его заросло и приобрело цвет железа.

— Где ты пропадаешь? Тебя и не видно.

— Такой день, эфенди. Даже покойники из могил встали. Разве в такой день будешь без дела?

Садиться он не хотел, смотрел то в землю, то мне в лицо. Смущался.

— Абдулла очень болен. У него кровь бросилась в голову. Говорят, мед помогает...

Когда Хака получил то, что искал, он обрадовался, как ребенок. Он не знал, что сказать.

— Если я буду жив, все будет хорошо. Только бы мне достать пару для моего бычка. — Он заглянул мне в лицо. — Если у тебя будет работа, скажи! Я приду со своими быками.

Он вытер пот, снова надел кепку.

— Ты видел моего бычка, эфенди? Славный бычок! Он похож на рыжего быка Хюсейна-аги. На него повесили бусы от дурного глаза. Аллах не позволит его сглазить.

Хака сделал несколько шагов, остановился, немного подумал и повернулся ко мне.

— Байрам-ага сказал: «Если проработаешь на меня один год, дам тебе бычка в пару к твоему». Байрам-ага очень хороший человек, настоящий ага, гордый человек.

Жатва кончилась. Хака остался без работы. Он все время ходил по домам кулаков. Байрам-ага все водил его за нос. Каждый раз он говорил: «Приходи завтра». Хака был этим немного огорчен.

— Так уж повелось. Когда я был молод, за мной гонялись. А теперь думают, что я слаб и не могу работать. Что делать?! Судьба!

Случилось так, что однажды какой-то бычок прибил-ся к деревенскому стаду. Он возьми да приди к дому Хака. Первые дни о бычке никто и не спрашивал. Наверное, он забрел из соседней деревни. Хака потихоньку взял бычка в пару к своему. Чтобы люди не болтали, он строго-настрого велел детям молчать. Какое им дело! Через два года у него будет пара быков.

Три месяца тайком растил его. Хозяин искал бычка, спрашивал у Хака, но тот все отрицал. В конце концов

его уличили, бычка отобрали. А Хака получил два месяца тюрьмы.

В тот день, когда его выпустили, он пришел ко мне. Хака изрядно пополнел.

— Если бы я не думал о детях, эфенди, я остался бы в тюрьме. Там есть по крайней мере где спать. Каждый день дают круглый хлеб. Никто тебе не говорит: это хорошо, а то плохо. Никто не попрекает куском хлеба и не спрашивает, почему медленно работаешь. Хозяин тебя не обижает. Человека силой заставляют отдыхать. Да, тюрьма — самое подходящее место для бедняка! Хотя бы один месяц в году батраку нужно проводить в тюрьме.

Дома Хака пробыл только два дня и отправился батрачить в дальнюю деревню. Вначале изредка приходил домой, приносил сыр. Наступила зима. Дороги замело. Больше он не приходил. Через некоторое время пришло известие, что Хака утонул в колодце. Голодные дети все ждали отца.

Слава богу, у него есть сын. Семилетний Абдулла занял место отца — стал батраком у Бекира-аги за сто сорок восемь килограммов ячменя в год.

КЫНАЛЫ ЗАБОЛЕЛ¹

Муж ушел в лес. Он должен был вернуться еще вчера утром. Жена с тревогой смотрела на дорогу, ожидая, не покажется ли кто. «Да защитит его Аллах», — думала она. Одет он был плохо и мог замерзнуть в своей ветхой одежде. Женщина смотрела и смотрела. Никого не было видно. Все запорошило снегом, долины и холмы превратились в равнину, дороги и перевалы исчезли. Все живое спряталось. Непрерывно бушевала метель. Если бы бык Кыналы не был болен, разве муж пошел бы в такую погоду за лучиной? Они сидели около быка всю ночь. Бутылок с керосином не хватило. Поэтому надо было достать лучины. Больше она не могла смотреть. Метель хлестала ее по лицу. «Да поможет тебе Аллах», — сказала женщина и вошла в дом.

Снег покрыл окно в потолке. В доме было темно и тихо, только слышно, как жуют козы. Фантош закрича-

---

¹ Печатается с сокращениями.

ла со своей постели: «Мама! Мама!». В темноте слышались прерывистые стоны Кыналы. Женщина подошла к нему и сказала:

— Отец, пусть перейдет на нас твоя болезнь.

Рукой она вытерла пену у рта быка. Ее муж получил Кыналы и быка Джигал несколько лет назад, когда работал батраком. За двух телят он проработал у Хасана-аги два года. Долго им пришлось ждать, пока выросли быки. Сами недоедали, а их кормили. Кыналы был цвета хны. Она сама дала ему имя². Муж сказал: «Хорошо придумала, жена. Он и впрямь как хна».

Снова слышался голос Фантош. Она хотела спуститься с постели, но боялась упасть в темноте.

— Сиди на месте, а то упадешь, дитя мое, — сказала женщина. — А где Юсуф? Юсуф!

— Да!

— Что ты, сынок, здесь делаешь?

— Чешу Кыналы.

— О Аллах! Жаль мальчика!

Если с Кыналы что-нибудь случится, для мальчика настанут черные дни. Как и отцу, ему с детства придется работать у чужих людей. Тяжела жизнь сына бедняка! Но Кыналы не умрет! А если он умрет? И люди ведь умирают. Нет, Кыналы не умрет! Кыналы — это богатство, Кыналы — это отец, Кыналы — это жизнь. Кыналы — это еда и хлеб! Он не должен умереть. Что такое бык в доме? Это душа, это кровь. На словах стать владельцем быка легко! А кто знает, за сколько его можно купить? За 600—1000 лир... Разве его купишь! В доме столько бед! На еду не хватает, нет ниток, керосина, мыла. Долг банку.

Дверь с шумом распахнулась. Слышались тяжелые шаги. Это был муж. «Слава Аллаху!» — воскликнула женщина.

Вошел человек со связкой щепок на спине. Он как будто был весь из снега. Его брови, усы обледенели. Он тяжело сбросил связку на землю.

— Как Кыналы? — спросил он у жены.

Женщине было тяжело отвечать.

— Как Кыналы, я спрашиваю?!

— По-прежнему.

---

² Кыналы — букв.: «окрашенный хной».

— Ничего не ел?

— Нет.

У крестьянина подкосились ноги. Дрожа, ощупью он нашел Кыналы. Бык лежал вытянувшись. Голова его была на земле. Он тяжело дышал.

— Ох-хо-хо! — сказал человек и опустился рядом с быком. От кончиков пальцев к самому сердцу шла боль. Кости его как будто раздробили молотком.

Жена зажгла лучину, разожгла очаг. Густой мрак отступил. Юсуф спал, положив голову на быка. Крестьянин смотрел некоторое время на Кыналы, потом посмотрел на сына.

— Подними ребенка, быку и так тяжело, — сказал он.

Кыналы задрожал, забил ногами, но подняться не смог. Его задние ноги сильно опухли. Челюсть упиралась в каменный пол. Бык тяжело вздохнул.

— Отец! — сказал человек, обнимая шею быка. Постепенно его руки ослабели, и он лег на правый бок. Наступила мертвая тишина. Крестьянин видел кошмарные сны... Пришла весна. Снега растаяли. Каждый запрягал быков и шел на свое поле. А ему никто не давал ни быков, ни телеги. Все, кто его видел, от него отворачивались. В деревне уже закончился сев, а он на своем поле еще и не собирался сеять. Он сидел без дела, как птица с подбитым крылом. Кредиторы требовали денег...

В очаге горела лучина. Женщина насыпала муки в кастрюлю с водой. Горячий суп согреет мужа. Если только Кыналы выздоровеет, она будет поститься три месяца. Аллах свидетель. Не будет ни пить, ни есть. Отдаст свою рубашку бедным. Правда, рубашки у нее нет. Тогда она отдаст передник. И отдаст его сироте Зенджо. А вместо передника у нее будет пола кафтана и энтари³. Только бы Кыналы поправился!

Крестьянин открыл глаза.

— Отец, Кыналы, — сказал он.

Женщина поднесла лучину. Мужу было совсем плохо. Глаза его воспалились. Он был мокрый с головы до ног — снег растаял. Солома облепила одежду.

— Вставай же! Вставай! Погрейся немного у очага!

---

³ Эн тари — длинная рубашка, служащая халатом,

Жена схватила мужа за руку, но не смогла поднять его. Человек был не в состоянии встать. Он открыл глаза. Некоторое время муж и жена смотрели на быка. Они знали, что бык уже не встанет на ноги. День ото дня ему становилось хуже. Попросили тетку Ханзаде прочесть заговор. Не помогло. Не помогли ни Тосо Деде, ни Зюмребиб. Не помог и амулет Кара Моллы. Напрасно пролилась кровь черной курицы. От ланцета Бозо тоже не стало лучше. Из тусклых глаз Кыналы лились слезы. Он как будто оплакивал судьбу тех, кто сейчас смотрел на него.

— Кыналы умрет, мама? — спросил Юсуф. Мать прервала его:

— Говори о хорошем, сынок. Кыналы умрет? Я раньше уму.

— Нет, мама. Ты не умирай. И Кыналы тоже.

— Молись, сынок. Ты ангельская душа. Твою молитву услышит Аллах.

— Молюсь, но он меня не слышит. Ты говорила: «Соверши омовение, сотвори намаз, и Кыналы поправится». Уже сколько дней я совершаю омовение и намаз. Почему ему не лучше?

— Все в руках Аллаха.

Лучина угасла. Женщина подошла к очагу. Суп подгорел. В нос ей ударил запах горелого. Она сняла суп и вылила в деревянные миски. Козы сразу подошли к очагу. Коза Корут сунула нос в похлебку, обожгла его и стала облизываться, мотая головой из стороны в сторону. Женщина отнесла миски с похлебкой к козам и поставила их перед ними. Кроме пары быков, это было их единственное имущество. Поэтому она не рассердилась, а только сказала: «Вечно вы беспорядок устраиваете!» Муж как мертвый лежал рядом с быком.

— Вставай же! Ты что, не слышишь? Вставай же, поешь немного супа, согрейся.

— Оставь, жена. Разве мне хочется есть похлебку!

— О, горе мне! Из-за быка и он доведет себя до болезни.

С трудом ей удалось поднять мужа.

— Ох, больно! Мой живот! — сказал он, согнулся и снова повалился. — Уложи меня рядом с моим Кыналы!

Женщина постлала солому рядом с быком, уложила

на нее мужа, набросила на него одеяло, принесла миску с похлебкой, силой заставила его съесть пару ложек. Он не мог открыть рта.

— Дай Кыналы! — сказал он.

Крестьянин скрючился под одеялом. Он был похож на точку с запятой на промокательной бумаге.

Человек спал и, мучимый болью, видел страшные сны... Дом заполнили соседи и с отчаянием смотрели на Кыналы. Слышались крики, плакали дети. Все в доме пришло в смятение. Раздались голоса: «Нож! Нож!» Хаджи Ибрагим вонзил нож с костяной ручкой в горло быка. Хозяин быка хотел удержать руку Хаджи, но не смог, попытался встать, но напрасно. Хотел закричать: «Не режь! Не режь!» Однако не произнес ни звука. Наконец, сделав неимоверное усилие, крикнул: «Спасите моего Кыналы! Спасите моего Кыналы!»

Жена плакала, крепко держа его за руки. В очаге опять угасала лучина. Что-то с шумом жевали козы. Крестьянин немного пришел в себя.

— Открой же глаза! — сказала жена. — Вот Кыналы рядом с тобой. Кыналы не умер и не умрет.

Человек открыл глаза, огляделся, увидел Кыналы. Правда, Кыналы не умер. Он слышал, как прерывисто дышит бык.

— О отец! — Он поцеловал быка в глаза и ноздри.

Лучина погасла. Весь дом погрузился в мрак. На дворе завывала метель. Другой бык, Джигал, заскрежетал зубами. Женщина подошла к нему и погладила. Джигал лизнул ее руку. Кыналы ударил ногой о каменный пол.

— Принеси лучину! — крикнул крестьянин.

Женщина зажгла лучину. Кыналы лежал на спине, подняв ноги, пытался встать. Она хотела помочь быку и согнула ему ноги. Но все было напрасно. Она отвернулась и заплакала. Муж ничего не мог сказать, и он хотел плакать, но слез не было. И он снова закрыл глаза.

Кыналы околеет, в этом он уже не сомневался, тогда он продаст и второго быка. Этого хватит только на уплату долгов. Он пойдет наниматься в работники к Хусейну-аге. Двадцать лет мучился он у него. Но тогда он был молод, работал за двоих. А теперь ага встречал его словами: «Мне такого слабого работника не надо».

Вдруг он поднялся и стал бегать, крича: «Кыналы! Отец! Отец!»

Жена схватила его за руку, но не могла остановить.

— Приди же в себя! Возьми себя в руки. Детей до смерти напугаешь!

Дети плакали.

Кыналы вытянул ноги. Голова его лежала на каменном полу. Он был в агонии. Теперь и женщина пришла в отчаяние. Кыналы околевал. Она закричала:

— Помогите! Помогите! Мой Кыналы! — И упала рядом с быком.

Вошел их сосед Хаджи Ибрагим. Он хотел спросить о Кыналы. В темноте ничего не было видно.

— Мехмет! Эй, Мехмет! Что случилось? — крикнул он.

Никто не ответил. Ибрагим чиркнул спичкой и остолбенел.

— Эй! Бык-то околел!

Ибрагим полоснул Кыналы по горлу своим ножом с костяной ручкой. В темноте текла черная кровь.

Мулла Халит читал призыв к утренней молитве.

ХЮСЕЙН РАССЕРЖЕН

— Сукин сын! Он разорил меня. Все говорил мне: «Учи Джемаль! Учи Джемаль!» — Крестьянин поднялся. — Я не должен был ему верить! Не должен! Берегись, учитель! Ты меня за живое задел! Этого я тебе не прощу.

Воцарилось молчание. Тускло горел ночник. Жена кормила грудного ребенка. Дети постарше бродили по дому как тени. Джемаль спрятался за черную телку. В сумерках можно было с трудом различить одеяла, брошенные на лавку, рваный мешок из-под муки, решето, ведро для воды, топор, прислоненный к столбу. Черная телка задвигалась. Джемаль испугался, что его увидят. Слава богу, заговорила мать:

— Ты вечно во всем винишь учителя. Разве он привел к тебе жандарма или судебного исполнителя Исмаила-агу? Человек хотел, чтобы твой сын учился, чтобы он стал человеком. Не вышло — значит, судьба. Все от судьбы.

Крестьянин пристально посмотрел на жену.

— Да, сделал он его человеком! Нам от этого одна беда!

— Пусть беда падет на голову врага. Я говорю, что в этом вины учителя нет. Если бы ты не позволил сыну учиться, он бы не взял его силой.

Крестьянин набросился на жену:

— Дура, разве ты не понимаешь, что, если бы учитель не говорил: «Твой сын способный, пошли его учиться», я никогда не послал бы его в школу! В моем роду еще не было образованных. Как мне пришло бы в голову послать его в среднюю школу? Если бы он этого не сказал, разве я расстался бы с коровой? Ради того чтобы заплатить за дорогу, за бумаги, за медицинскую справку?! И ладно бы мальчик учился. А теперь скажи, разве не этот негодяй во всем виноват? Если бы он сказал: «Дядя Хюсейн, подожди», я бы разве за это взял-ся? Ну, скажи!

Женщина знала, что, если она сейчас ответит, муж ее здорово отколотит, и замолчала. Правда, кое в чем муж был прав. Он поверил учителю. Откуда бедному было знать, что дело так плохо кончится? Ради того, чтобы мальчик учился, продал корову. Нелегко расстаться с коровой — кормилицей детей. Наверное, если бы кто-нибудь умер, и то не было бы так тяжело. Как будто часть дома рухнула. Как будто у тебя сердце вырвали. Часто она искала глазами корову и сердце ее обливалось кровью. Ей так хотелось обнять ее и поцеловать в глаза.

Если бы женщина знала, где сейчас Марал, она бы пошла в другую деревню, нашла бы ее и расцеловала. И, конечно, Марал узнала бы ее. Вначале корова обнюхала бы ее, а потом лизнула ей руку, прося хлеба. Кто знает, где она сейчас. Вчера ей приснился сон: Марал, мыча, прибежала к ней и стала умолять: «Я не люблю своих хозяев. Они меня бьют. Спрячьте меня, не отдавайте». Но появился новый хозяин Марал и, хлеща плетью, угнал корову.

Хюсейн лег на лавку и уставился в потолок. Уже в который раз он вспоминал, как продавал корову. Его сына записали в городскую школу. Надо было получить справку из больницы. А у него не было и пяти курушей на расходы. Он даже не мог заплатить за одно

окка¹ контрабандного табака, который взял в кредит. От деревни под городом Пософ до Эрзерума путь долгий. Нужны деньги на дорогу, ночлег, хлеб. Да и мальчику надо дать денег на расходы. Деньги под проценты ему никто не давал. Продать можно было только корову Марал. Была еще черная телка, но за нее давали мало. Хюсейн привязал веревку на шею коровы и повел ее в город. Дети плакали и умоляли: «Отец, не продавай!» Но он поклялся, что продаст Марал ради образования сына. Когда Хюсейн уходил, жена и дети по очереди обняли Марал и попрощались с ней.

Бедная Марал и не знала, что ее будут продавать. А то, наверное, заплакала бы и убежала, не далась бы в руки.

Как-то так получилось, что покупатель нашелся сразу, едва Хюсейн пришел на рынок. Он поторговался и отдал ее за 350 лир. Потом пожалел, но покупателя уже и след простыл.

Когда вечером он вернулся домой, дети стали плакать и жалеть Марал.

Если бы Хюсейн был молод и здоров, он снова ушел бы в Зонгулдак на заработки. Несколько лет он работал бы стиснув зубы и в конце концов купил бы телку. Телка вырастет и через два года станет коровой. Она бы заменила Марал. Но куда там! Он не мог работать, потому что заболел чахоткой и качался, как былинка.

Когда Хюсейн расставался с Марал, он возлагал все надежды на сына. Сын будет учиться, станет чиновником, спасет всю семью. Пусть бы даже он не дождался никакой помощи от сына, не дождался того дня, когда его сын станет чиновником, — все равно, лишь бы только сын поступил в школу. Крестьяне станут говорить: «Вот так Хюсейн! Он учит сына. Из нашей деревни выйдет большой человек. И он будет сыном Хюсейна из рода Хасанов».

Все оказалось зря. Марал продана, деньги истрачены, сын в школу поступить не смог... Тяжело вздохнув, он поднялся.

Дети спали в разных местах. Жена задумалась, обхватив голову руками. Джемаль исчез. Зря он побил мальчика. В чем его вина? Хюсейну следовало бы всю-

---

¹ О к к а — мера веса, равная 1 кг 225 гр.

ду ходить самому. А чтобы сберечь деньги, он послал сына одного. И мальчик, точно перелетная птица, пробыл один в большом городе целых две недели, чтобы только отдать медицинскую справку.

— Эй, Джемаль!

Джемаль приподнял голову из-за черной телки, но не отозвался. Отец не увидел его и снова крикнул:

— Джемаль!

Джемаль кашлянул, продолжая прятаться за телку.

— Иди-ка сюда и расскажи толком, почему тебя не приняли.

Мальчик подошел, боязливо поглядывая на отца.

— Так почему тебя не приняли? Что, у тебя поведение плохое или медицинская справка оказалась не в порядке? Скажи, почему тебя не приняли?

Мальчик ответил дрожащим голосом:

— Я ничем не болен. Ты же сам знаешь. Ведь учитель при тебе читал медицинскую справку.

Отец перебил его:

— Чтоб я ни слова не слышал о твоём учителе. Никогда не смей говорить об этом негодяе!

От крика проснулись остальные дети. Жена пыталась успокоить его:

— Так уж получилось. Разве против судьбы пойдешь?

Хюсейн с горечью покачал головой.

— И мука кончается, и долг банку платить надо, и дети без молока плачут. Кругом беда.

Он свернул папиросу и стал вдыхать горький дым в больные легкие.

— Думаю, думаю, ничего не могу придумать. Хоть в лепешку расшибись, все без толку. Ну-ка, принеси и прочти бумагу, которую тебе дали. Я хочу понять, почему же тебя не приняли.

Мальчик вытащил из кармана скомканную бумагу и поднес ее к лампе. Мать приблизила лампу к бумаге. Вся семья собралась вокруг Джемала и внимательно слушала. Мальчик начал читать бумагу, которую он уже выучил наизусть: «Число подавших заявления оказалось значительно больше, чем число мест. Поэтому оказалось необходимым устроить экзамен для кандидатов. Были приняты только получившие высокие оценки... вам следует обратиться снова в будущем году».

— Слушай, что же все-таки они говорят?

Мальчик сглотнул слюну.

— Ну...

— Да скажи же, что они говорят?

— Чего ты мучаешь ребенка? — сказала жена. —

Пусть он сначала успокоится.

Она села рядом с ним и сказала:

— Не бойся, сынок, успокойся и расскажи.

Мальчик немного осмелел.

— Я же говорил, мама, в этом году не вышло, приняли других, а мне сказали, чтобы я поступал на будущий год.

Отец опустил голову, потом выпрямился и сказал:

— Слушайте, мусульмане! Слушайте и не теряйте веры. В этом году меня заставили продать корову, а в будущем заставят продать и жену. Будь все проклято!

У него начался приступ кашля, он харкал кровью. На глазах показались слезы.

СЮМБЮЛЬ ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ

От скуки Сюмбюль рисовала карандашом на пустых листах тетради для рисования. Школу она закончила отлично, а что дальше? Лучше бы она осталась на второй год. Ей пришлось бросить все — занятия, товарищей, учителя. А ведь учитель говорил: «Начальную школу кончить мало. Ты, Сюмбюль, обязательно должна учиться. Ты должна узнать мир, жизнь...»

Она снова, уже в который раз, прочитала слова, написанные учителем в книге, полученной ею в награду как первой ученицей: «Моей дорогой ученице Сюмбюль. Эта книга — первая награда за твои успехи. Ты добьешься настоящих успехов, когда сможешь и дальше учиться». Но где она может получить образование? В какой школе? Средние школы, лицей... Все это не для нее. В этом мире детям крестьян учиться запрещено...

Открылась дверь, вошла мачеха.

— Брось книгу, дочка. Ты же совсем взрослая.

Сюмбюль сделала вид, что не слышит ее. Учитель говорил ей: «Сдавай экзамены в педучилище. Не сдашь в этом году, попробуй еще раз в следующем...» А отец и мачеха разве позволят ей учиться? Если она и сдаст

экзамены, вряд ли отец даст ей денег. И, уж конечно, не повезет ее из деревни под Пософом до самого Бешикдюсю. Где ему взять денег на расходы? Нечего было и думать, чтобы отец, который даже не хотел покупать ей книги для начальной школы, взял на себя такое бремя. «Обязательно учитесь, преодолевайте любые трудности. Если отец не разрешает, сдавайте экзамены против его воли». Она должна поехать в город вместе с крестьянами и умолять каймакама, главного учителя. Она ему скажет: «Я хочу учиться, дайте мне возможность продолжить образование». Если же у нее ничего не получится, она будет ждать возвращения учителя с военной службы.

— Ты что дочка, не слышала, что я тебе говорю? Брось книгу!

Сюмбюль не ответила. Она знала, что мачеха снова будет говорить о сыне Мурата-аги Косом, о том, как богат этот ага. А что, если эта змея насильно отдаст ее за Косого? Но Сюмбюль ни за что не согласится, если даже против нее пойдет вся деревня. Пусть ее хоть разрежут на куски. Учитель говорил: «Если вас будут насильно отдавать замуж, не соглашайтесь. Сопровитляйтесь. Вы люди. Вас не могут продавать».

— Отвечай же! Ты что, окаменела?

— Я читаю.

— Теперь, дочка, тебе надо вышивать платок.

Сюмбюль хотела заставить мачеху проговориться.

— Да, пусть он думает, что его женят, — сказала она.

— Конечно. И ты думай. Ведь тебя скоро отдадут замуж.

— И не собираюсь!

— Так знай: завтра тебя придут сватать.

Сюмбюль как будто обдали кипятком.

— Я не хочу слышать об этом! Клянусь Аллахом! Я прогоню сватов камнями!

— Ты так говоришь от радости, дочка. И я была такой когда-то. Эх, было время!

Сюмбюль чувствовала, что не в силах больше сдерживаться. Нет, этого никогда не будет!

— Я прошу оставить меня в покое. Пусть подо мной земля разверзнется, пусть небо на меня обрушится — замуж за него я не пойду.

Мачеха начинала терять терпение.

— Не говори глупостей. Не кричи. Не поможет. Все уже решено. По велению Аллаха и воле пророка мы обручим тебя с Исмаил-агой, сыном Мурата-аги, а Гюльназы, дочь Мурата-аги, — с нашим Асланом. Завтра вечером придут сваты. Я думала, что для тебя это будет радостной вестью.

Все вертелось перед глазами Сюмбюль. У нее дрожали руки и ноги. ...Школа, учитель, муж, которого она выберет сама... Все это должно рухнуть.

— Радуйся сама! И все это ради того, чтобы подружиться с агой и взять в жены своему сыну какую-то распутницу!

Плача, Сюмбюль вышла из дому. Мачеха крикнула ей вслед:

— Как тебе не стыдно! Пусть тебе не пойдет впрок мой хлеб! Разве ты достойна дома аги, негодяйка!

Светило солнце. По улице просажали телеги. К Сюмбюль подошел Карабаш и лизнул ей руку. У нее не было сил идти. Она присела на камень, где мололи соль. Сюмбюль была так одинока. Если бы жива была ее мать! Материнское сердце не выдержало бы, мать бы защитила Сюмбюль. Но вот что было непонятно: ведь у Назы родная мать. А получив 3 тысячи лир, она отдала родную дочь и глазом не моргнув. Правда, не все матери такие. А еще мусульманки, четок из рук не выпускают! Ложь, все ложь. Разве мусульманин отдаст свою дочь за деньги? Разве он выдаст свою дочь, которой еще рано выходить замуж? Сюмбюль будет сопротивляться и не пойдет за сына Мурата-аги. Она не станет губить свою жизнь с этим глупым парнем. Она будет учиться. А отец? Что может сказать человек, который в три погибели гнется перед Муратом-агой? Отец уже сказал свое слово. Сюмбюль должна пойти к дяде Темелю и умолять его о помощи. Но ведь и он боится гнева Мурата-аги. И он ей тоже скажет: «Это богатый дом, дочка. Будешь есть и пить там вволю».

Мачеха распахнула двери. Колени Сюмбюль задрожали. Она не могла видеть эту женщину. Она должна пойти к тетке. Сюмбюль всегда укрывалась у нее, когда ее била мачеха.

Девушка вытерла слезы, повязала яшмак. Ноги едва несли ее. Тетка во дворе мыла теленка.

— Хорошо, что ты пришла, дочка. У меня уже руки устали. Возьми-ка ведро и помоги мне.

У Сюмбюль все валилось из рук.

— Что с тобой? Эта распутница снова тебя побила?

Сюмбюль одним духом рассказала ей обо всем. Тетка и раньше об этом слышала, но что она могла сделать?!

— Так уж, видно, на роду написано, судьба! Что сделаешь? Чему быть, того не миновать.

Сюмбюль злили эти слова о судьбе, которыми начинались все разговоры.

— Какое перо это намарало? В какой книге сказано, чтобы девушек меняли, как быков?

«Девушка совсем сбилась с пути, — подумала тетка. — Но все-таки ее надо утешить».

— Не плачь, дочка. От всякой болезни тысяча лекарств. У каждого сердца есть друг.

Сюмбюль совсем расстроилась.

— Ради Аллаха! Спаси меня! Пусть мне не дают есть, не покупают одежды. Пусть из дома выгонят. Слова не скажу. Ради Аллаха, тетя. Я буду у тебя служанкой, батрачкой на твоём поле. Тетя, спаси меня!

А как ее не прогнать? Ведь в порошок сотрут! Разве Мурат-ага выпустит из рук такую красавицу! С деньгами и силой даже горы не справятся. Даже если бы он сказал, что берет девушку не для сына, а для себя, кто бы осмелился возразить? Разве спасти воробья из когтей ворона?

Закончив мыть теленка, Сюмбюль вымыла руки и лицо горячей водой. Ее прекрасное детское лицо было полно печали. На нем можно было прочесть горечь бессилия и беспомощность.

Отец был сердит. Мачеха все время повторяла: «Разве я не говорила? Все из-за тебя! Достаточно мне было ее пальцем тронуть, как ты поднимал шум. Горе мне! Лучше бы мне умереть! Как ни корми ворону, она тебе все равно глаза выклюет».

Муж, не отвечая, взволнованно ходил по дому. Дочь воспротивилась воле отца! Как ему после этого людям в глаза смотреть? В деревне начнутся разговоры: «Разве Байрам мужчина? Ведь его дочь ослушалась!» Вна-

чале он даст ей совет. А если она не послушает, пусть сама на себя пеняет.

Он позвал сына:

— Приведи эту проклятую девчонку.

Парень ждал с тревогой. Если девушка заупрямится, все сорвется и он не сможет жениться на дочери аги. А что значит быть зятем аги? Он наденет сапоги, сядет на рыжую лошадь и, поднимая пыль, поскачет по деревне. Все, кто его увидят, будут говорить с завистью: «Зять Мурата-аги — Аслан-ага». Зятя аги можно считать настоящим агой.

«Чтобы взять шлюху аги, меня...» Сюмбюль ухвати-лась за столб. Брат никак не мог оторвать ее от него. Ничего не получилось. На помощь к нему пришла тетка и стала упрашивать Сюмбюль. Она говорила, что от ее упрямства толку не будет. Вдвоем, взяв девушку под руки, они отвели ее домой.

К Сюмбюль подошел отец:

— Послушай меня, дочка. Ты еще молода и не все понимаешь. Человек не может послушаться родителей, даже если дело идет не о свадьбе, а о жизни и смерти.

Мачеха крикнула издали:

— Если бы она могла, она бы нас задушила!

Муж рассердился:

— Не вмешивайся! Я не ребенок. — Он повернулся к дочери.

— Так уж предопределено судьбой. Время пришло — отдают замуж. Дочь не может оставаться в отцовском доме. Тебе выпало счастье стать женой аги. Мы обо всем сговорились. Ты станешь женой сына Мурата-аги, а дочь Мурата-аги отдадут за нашего Аслана.

Словно удар молота отзывалось в голове Сюмбюль каждое слово отца. Она снова вспомнила слова учителя: «Если вас будут силой отдавать замуж, не соглашайтесь. Вы люди, вас не могут продавать».

Но тут заговорила мачеха:

— Ведь это дом аги. Тебя оденут во что захочешь. Будешь есть одной рукой масло, другой каймак¹.

Ее прервал отец:

— Ты будешь одета и обута. Всякий скажет: «Вот невестка Мурата-аги». И мне почет и уважение.

---

¹ К а й м а к — род сливок.

Сюмбюль внезапно прорвало:

— Тебе будет больше почта от того, что ты продашь дочь? Не хочу! Не обманывайте меня. Умру, а замуж не пойду. Повешусь! Оставьте меня в покое!

Перед таким неожиданным оборотом дела все пришли в замешательство. Мачеха сказала:

— Ну, вот видишь!

Отец с угрожающим видом подошел к дочери:

— Бессовестная! Ты хочешь меня опозорить, сделать убийцей. Ведь ты моя дочь! Ты против того, что предопределено Аллахом?

— Да, против! Разве не понимаете! Против! Бейте! Убивайте! Пусть я лучше умру!

— Дрянь! — крикнул отец и хотел ударить ее, но тетка не позволила.

— Оставь сироту! Не бей девочку. Чего ты хочешь от ребенка? Раз говорит «нет», зачем вы ее заставляете? Она же еще совсем маленькая! Она вдоволь и не училась и не пожила как следует. Девочка хочет учиться и стать учительницей.

— Замолчи! Это все ты с толку ее сбиваешь. Ты да еще этот безбожник учитель, этот коммунист. Она от него и научилась не слушаться отца. Сколько надо училась. Разве можно еще где-нибудь учиться? Все это вранье!

В разговор вмешалась мачеха:

— Все это от коммунистов. Безбожники они! Всем девушкам волосы обрезают. Женщин и мужчин не различают, мальчиков и девочек обучают вместе.

Отец прикрикнул на нее:

— Да замолчи ты! Аллах свидетель. Я душу девчонки отправлю в ад!

— Я с радостью пойду в ад. А в дом, в который вы хотите меня отдать, не пойду!

— Если так, я тебя сейчас убью! — Отец в гневе стал бить ее по голове, по лицу. Несколько раз даже пнул ее ногой. Тетка с трудом вырвала Сюмбюль из его рук.

Сюмбюль лежала ничком. Ее рот, нос были в крови. Она потеряла сознание.

Учитель объяснял: «Если вас захотят силой отдать замуж, не соглашайтесь. Сопровитесь. Вы люди, вас не могут продавать. Требуйте права жить по-чело-

вчески. Требуйте, чтобы вас посылали в школу, чтобы вас учили. Смотрите, рано замуж не выходите. Вы люди! В крайнем случае — жалуйтесь. У нас республика. Никто вас продать не может. Скажите: „У нас республика. Мы дети свободы, а нас продают...“»

Была уже глубокая ночь. Отец Сямбюль все не мог успокоиться. Крестьяне будут над ним смеяться. А что он ответит аге, если тот скажет: «Я не стану другом человека, который не может заставить свою дочь быть послушной»? Разве он может сказать: «Ага, ничего из этого не выйдет. Дочь не хочет»? Он не будет и слушать. Ага — человек знатный, обиды не простит. Он прикажет высечь его посередине деревни. Только знак подаст. Если бы не такая крайность, он не стал бы ее принуждать!

И жена его была в горе. Она не сможет сказать: «Моя невестка — дочь Мурата-аги». Она не сможет сидеть во время свадеб на почетном месте рядом с женой аги, не сможет хвастаться, говоря: «Я сватья Мурата-аги». А ее сын так и не сможет стать человеком, который никого не должен слушаться.

Говорят, слухом земля полнится. На другой день деревня была как потревоженный улей.

— У теперешних девушек ни стыда, ни совести.

— Они ни родителей, никого не уважают.

— Аллах нас покарает.

— Мурат-ага этого так не оставит. Он ни за что на свете не простит обиды.

Правда, многие считали, что девушка права.

— Он хоть и сын аги, да совсем дурак.

— Он и мизинца девушки не стоит.

— Самые лучшие фрукты ест медведь.

— Девушку Аллах сотворил красавицей.

— Жаль девочку, она еще совсем маленькая.

— А что сказать ее отцу!

— Что бы ты сделал на его месте?

— Ты правду говоришь, но все-таки...

— Все деньги решают... Разве не понимаешь?

Все эти разговоры шли во время приготовлений к обручению. Они дошли и до Мурата-аги. Он очень рассердился, велел позвать отца девушки и сказал, чтобы тот заставил дочь замолчать и повиноваться. Отец Сямбюль начал оправдываться. Он все хорошо пони-

маст. Разве она ему не дочь? Он готов ее зарезать на глазах аги. Правда, она немного покапризничала, но он уже ее как следует проучил.

Делали приготовления сразу и к обручению, и к свадьбе. Сюмбюль сшили свадебное платье. Через два дня она уже была в комнате для новобрачных. А еще через неделю должны были устроить пышную свадьбу дочери аги.

Минула ночь. Было ясное осеннее утро. Вот и наступил день свадьбы. Но не забили барабаны. Разодетые девушки в растерянности входили и выходили из дома, где должна была состояться свадьба. Крестьяне, собравшись на крышах домов, оживленно беседовали.

— С сиротой случилось несчастье.

— Говорят, она повесилась.

По пыльным улицам деревни проехал джип и остановился у ворот Мурата-аги.

Один из крестьян покачал головой и длинно выругался:

— А, пропади все пропадом! Нет правды на этом свете!

МАЛЕНЬКИЙ ЯСИН

Он подошел совсем тихо и стал у столба, разглядывая с любопытством мой выглаженный костюм, галстук и ботинки. Казалось, мальчик слушал то, о чем говорили. Было неясно, понимал он или нет.

— Ясин!

— Да!

— Принеси воды!

— Ясин, присмотри за гусями!

Ясина ни на минуту не оставляли в покое. Он прыгал, как блоха, а через некоторое время вновь застывал на месте.

Ясин остался таким маленьким от недоедания. Вы посмотрели бы на него еще до того, как он стал работником. Одна кожа да кости. Во всяком случае, ему нельзя было дать больше девяти лет. Нижняя губа разорвана. Лицо то ли опалено солнцем, то ли грязное. Скорее всего и то и другое. Не знавшие гребня волосы свисали на лоб. Полы блузы всегда засунуты в полот-

няные шаровары, туго стянутые поясом. Ясин буквально выполнял призыв руководителей нашей страны, которые все время говорят: «Затянем потуже пояса во имя блага родины».

— Ты ходишь в школу?

Мальчик опустил голову, сунул палец в рот и сказал:

— Нет.

— Почему?

Он посмотрел мне в глаза, как бы желая сказать: «Разве ты не понимаешь?» — но ограничился тем, что пожал плечами. Мне сказали, что он иногда тайком берет букварь у детей, которые ходят в школу, и читает.

— Да нет, эфенди, он не читает, а смотрит картинки.

В разговор вмешалась жена аги:

— Кто не может учиться — стремится к этому, а кто учится — мучится. Пока нашего парня утром в школу отправишь, так намучаешься.

Тетушка Гюльгез сказала:

— Бедный Ясин. Вот заплатит штраф за отца, пусть тогда и учится.

Эсман Чавуш объяснил:

— Отец Ясина, Сыло, прошлым летом был деревенским пастухом. Однажды у него украли корову Хасана-аги, которого ты знаешь. Штрафа он заплатить не смог. Да и чем ему платить? Ничего у него нет. Ячменя, который он получал как пастух, едва на еду хватало. Четверо детей, жена, мать и он сам — всего семь душ. Разве в наше время легко прокормить такую семью. Наконец деревенский совет пожалел его. Слава Аллаху, и Хасан-ага оказался добрым человеком. Он взял Ясина на год в работники в счет уплаты штрафа и отказался от коровы. Если бы Хасан-ага настаивал на том, чтобы ему отдали все деньги за корову, Ясин до самой смерти не смог бы все выплатить. Правда, Ясин мал, да силен. Ребенок что собака. Накорми его — об остальном думать не надо.

— Ясин!

— Да!

— Смени подстилку!

— Ясин! Присмотри за теленком и ягненком!

Эсман Чавуш продолжал:

— Отец Ясина — человек бывалый. В городе он мно-

гому научился. Много узнал. Он говорил, что нельзя жить так, как живут наши крестьяне. Мы трудимся, как ослы, а жизнью наслаждаются другие. То, что мы едим, — это не еда; то, что мы пьем, — это не питье. Штаны есть — рубашки нет. Рубашку достанешь — чарыков не найдешь. В Зонгулдаке отец Ясина работал сторожем. Все рабочие были у него на виду. Многие парни из нашей деревни добро от него видели. И зарабатывал он неплохо: каждый месяц посылал домой больше 250 лир. На эти деньги его жена починила дом, брала в лавке муку и одежду. Но вот он заболел чахоткой. У нас крестьяне называют ее «болезнью чужбины». Говорят, что если уж человек заболел чахоткой, так на всю жизнь. Он бежал из Зонгулдака и вернулся домой. Ухода нет, пища плохая. Через несколько месяцев кончились все деньги и он стал таким же бедняком, как и мы. Уехать он не мог и стал деревенским пастухом. Работал днем и ночью, и в дождь, и в холод, и в жару. Ему опять стало плохо. И скот он не умел как следует пасти. Среди крестьян начались разговоры. А после того как у него украли корову Хасана-аги, он не мог людям в глаза смотреть. Однажды ночью, не сказав никому ни слова, он исчез. Слава Аллаху, что у него был Ясин. Он и платит штраф за отца. Вот уже месяцев восемь прошло, а об отце ни слуху ни духу. Жена и четверо детей все ждут его. Жена говорит, что хочет написать прошение властям. Поэтому и пришла к тебе. Это дело богоугодное, эфенди, напиши ей хорошее прошение. Этот совет дал ей сторож Мысто. Он человек знающий. Все законы изучил у надсмотрщика Шахин-эфенди. Я тебе надоел, эфенди. Прости. Вот здесь мать Ясина. Напиши ей такое прошение, чтобы ее мужа в двадцать четыре часа поймали.

Ко мне подвели женщину. Она была босая, в лохмотьях. Кофта изорвана. Женщина казалась боязливой и застенчивой, но постепенно разговорилась.

— Напиши, эфенди, — сказала она, — что четверо детей и их мать остались без всяких средств.

Женщина говорила без умолку:

— Напиши, что у нее никого нет. У властей рука длинная. Может быть, ты так сделаешь, что моего мужа найдут и доставят сюда. Напиши, что Ясин спас его от штрафа. Да наградит Аллах Хасана-агу. И Ка-

сым стал работать. Пиши, эфенди! Пусть он приедет и будет хозяином. А то я сама и камни таскаю.

Ясин внимательно слушал мать. Однако его и сейчас не оставляли в покое.

— Ясин, принеси воды!

— Ясин, посмотри за гусями!

Ясин! Деревни Анатолии полны такими ясынами. Анатолия — край ясинов, лишенных детства, школы, любви.

Люди говорили: «Настоящая работа для Ясина только теперь начнется».

Пришла весна. Ясин погонит высоко в горы ягнят и телят. В горах — разбойники, волки. Там есть также джинны и пери. Ясин боится всех. Он боится также аги и его жены. То и дело он будет пересчитывать скот. А если случайно и заснет, то тут же вскочит и снова начнет считать. Самое трудное — быть работником. У него ведь нет покоя ни днем, ни ночью. Он спит не раздеваясь, в чарыках и носках, а встает с циновки задолго до рассвета. И еще до того, как запоют птицы, он уже в поле, где до вечера будет погонять быков. Ясин должен работать в холод и в жару. Он будет мокнуть под дождем и изнемогать от жары, почернеет от солнца. Губы его потрескаются, руки покроются трещинами. Что знает Ясин об играх, школе, смехе, сне, отдыхе? Он засохнет, как дикая груша, еще до того, как вырастет и расцветет.

— Хасан-ага — хороший хозяин, — говорит тетушка Сельви, — раз в неделю он отпускает его к матери, дает муки, сыру. Если бы Хасан-ага был таким же жестоким, как Зембо-ага, плохо пришлось бы Ясину. Зембо-ага и передохнуть не дает сироте Джемо, которому столько же лет, сколько и Ясину. Не пускает его домой, хоть дом Джемо совсем рядом.

Тетушка Дуду подтвердила слова Сельви:

— На днях я ходила к матери Джемо. Однажды мальчику удалось спрятаться и убежать от хозяина. Мать и братья встретили его как настоящего мужчину, который вернулся с чужбины. Мать дала Джемо инжир, который бережно хранила. Джемо взял инжир, разделил на три части, отдал братьям. Братья с жадностью его съели. Мать сварила Джемо яйцо. Но Джемо и обеда не дождался. Он сказал: «Я опоздал, пель-

зя, чтобы узнали, куда я ходил». Бедный ребенок сунул яйцо в карман и ушел. И мать его не удерживала. Она сказала ему: «Иди, мой мальчик! Не опаздывай, а то поднимется шум и тебя поколотят».

— Письмо готово, эфенди? — спросил Эсман Чавуш.

— Готово.

— Все написал? Она бедная, а рука у властей длинная.

В то время, как я пишу это письмо в Анкару, Ясину снова отдают распоряжения и он поспешно отвечает: «Да!» А его мать ждет мужа. У властей рука длинная, из любой щели его вытащит.

ДЕВУШКА ИЗ ТЕАТРА

Весь урожай горел. Уже много дней не было дождя. И земля, и небо высохли. Принесли жертву. Дали обеты. В реку опустили гроб и стол для омывания покойника. Перюза заставили прочесть сорок тысяч заклинаний. На голову плешивого Кылло надели вонючую кожу. Шан Исмаил сделал семь пар амулетов из трех волосков, вырванных из бороды шейха Мустафы. Колдун Мирза семь раз подряд ударял в бубен и смотрел в миску с водой. Все напрасно. Дождя не было. Подумали, что мулла Шакир разгневался. Собрали по домам муку, сыр. Мулла смягчился, но дождя по-прежнему не было.

И тогда крестьяне стали ходить по деревне с Кепче-хатун. От двери к двери носили миниатюрную женскую фигурку, сделанную из мешковины и тряпок. Люди шли по улицам, останавливаясь перед каждой дверью. Они пели:

Что просит Кепче-хатун?
Она просит дождя у Аллаха.
Пусть польется дождь,
Пусть нагрянет сель¹,
Пусть поспеет богатый урожай,
Пусть наполнятся наши мешки.

Старики, женщины, девушки выносили из раскаленных домов полные тазы воды и обливали певцов Кеп-

---

¹ С е л ь — горный поток.

че-хатун. Ручьями стекала вода. Процессия шла от двери к двери, а за ней следовала толпа сопливых, голых детей. Крестьяне протягивали руки к Кыбле² и молились: «О Аллах! Помоги! Спаси нас, творец!»

Все напрасно. Дождя не было. Среди них, наверно, был дурной человек. Его надо было найти. Этого непорочного раба Аллаха они должны уничтожить. О нем все время думали и пытались определить, кто же он.

Лал Садн, Фесат Хасан, Кер Мемо, Узун Джемо, Хаджи Ремо лежали у стены мечети, в тени, и лениво переговаривались. Мимо них прошла Мунисе. Она попыталась пройти как можно быстрее. Мунисе знала, что о ней будут сплетничать. Со страха она надела в августовскую жару костюм. Эта старая одежда, которую Мунисе дала хозяйка, была ей узка. Юбка была коротка. Нейлоновые чулки — все в дырках. Туфли уже давно потеряли блеск и цвет. Каблуки стоптались.

Фесат Хасан долго смотрел вслед Мунисе.

— Послушайте, соседи, — сказал он, — я нашел-таки раба Аллаха, который приносит несчастье.

Все уставились на Хасана.

Фесат Хасан сказал еще более решительно:

— После того как негодяй, которого зовут Сыло, привез эту девчонку из Стамбула, дожди прекратились и счастье ушло из деревни.

Чтобы узнать, какое впечатление его слова произвели на соседей, он спросил:

— Разве не так, соседи?

— Верно, верно!

Фесат Хасан все более распалялся:

— Ведь недаром говорят: паршивая овца все стадо портит. Почему горят наши посеы и виноградники? Почему не падает ни капли дождя? Почему Аллах не принимает наши жертвы?

Кер Мемо заволновался. Он поднялся, отряхнул пыль с брюк и сказал:

— Верно! Это как раз то, что нам надо!

Узун Джемо хотел показать, что он первым нашел виновника их несчастий:

— Я уже давно говорил об этом ходже³. «Ходжа, —

---

² Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы.

³ Ходжа — почтенный человек. Здесь — мулла.

сказал я ему, — с тех пор как человек по имени Сыло привез из Стамбула эту девушку, которую называет своей дочерью, мы лишились милости Аллаха. Шлюха из Стамбула не может оставаться в нашей деревне. У нас наступят еще худшие дни». Но меня тогда никто не послушал.

Хаджи Ремо крикнул:

— Не вали вину на ходжу! Ты же знаешь, сколько раз он говорил об этом правоверным. Только вчера он сказал в лавке Эско: «Если мы эту девушку из театра не выгоним из деревни, на нас обрушится каменный дождь».

И по деревне пошли разговоры. Все сразу поверили, что дурным рабом Аллаха и была Мунисе. Однажды об этом зашла речь во время пятничного намаза. Оказали давление на старосту. Староста сразу созвал совет. Мунисе решили выгнать из деревни. Известие об этом послали со сторожем Мысто. Ему же велели привести Сыло, отца Мунисе, на совет. И как только тот пришел, все на него набросились:

- Прогони распутницу!
- Отвези ее откуда привез!
- Немедленно увези ее!
- Спаси нас от беды!
- Спаси!
- Спаси!

Сыло кутался в женское пальто, которое он привез из Стамбула. У пальто не было пуговиц. Чтобы не было видно голого живота, он придерживал пальто рукой. Голова была повязана голубым шарфом. От упреков Сыло совсем растерялся. Пытаясь собраться с духом, он сказал:

— Братья, в чем я виноват? Скажите, в чем моя вина?

Ему не дали говорить:

- Замолчи!
- Негодяй, ты еще спрашиваешь, в чем виноват!
- Твою вину и словами не описать!

Староста схватил Сыло за шиворот.

— Решение имама, деревенского совета и всех соседей: девушку из театра выгнать из нашей деревни. Вслед ей семь детей бросят семь камней. А женщина по имени Дживе прочтет молитву об избавлении...

Из верхнего квартала доносилось пение хора Кепче-хатун, который еще больше возбуждал ярость людей:

Что просит Кепче-хатун?
Она просит дождя у Аллаха.
Пусть польется дождь,
Пусть нагрянет сель...

Мунисе рано лишилась отца. Ее мать Эдо, у которой было трое детей, вышла замуж за Кер Сыло. Один ребенок умер от голода. Десятилетний Мемиш стал батраком у Шабан-аги. Мунисе было около семи лет. Некоторое время она оставалась с матерью, но ей не было житья от отчима Сыло. И вот однажды ей повезло. Девочку увез с собой капитан, который руководил рытьем окопов около деревни. С тех пор прошло двадцать лет. О Мунисе в деревне забыли.

Но вот некто Коччо нашел и вытащил Мунисе из Стамбула. Коччо много скитался по чужим краям. Бедовый человек. Не было уголка в Стамбуле, которого бы он не знал. Оказывается, Мунисе была недовольна своей жизнью. Капитан, который привез ее в Стамбул, вскоре умер. Теперь она была прислугой у других хозяев. С ней очень плохо обращалась хозяйка. Мунисе все время думала о горах и камнях своей родины, о матери и брате. Она говорила: «Наступит ли день, когда я увижу родину отца и преклонюсь перед его могилой?»

Коччо обо всем увиденном подробно рассказывал в деревне. И с каждым его словом росло уважение к Эдо, матери Мунисе, и к ее отчиму Сыло. У Мунисе появятся женихи. Может быть, ее отдадут чавушу⁴ из полицейского участка или леснику... А уж если ее возьмет какой-нибудь ага, они получают кучу денег! Ведь это девушка из Стамбула. Они отдадут ее тому, кто будет целовать им руки. Даже надсмотрщик Шахин-эфенди стал говорить: «Здравствуй, Сыло-ага!»

Ждать не было сил. Мать Мунисе и отчим продали черную корову и пустились в путь. Им надо было добираться от самой границы с Россией на востоке до греческой границы на западе. Сначала они шли пешком, потом ехали на грузовике, затем — на поезде. Они еха-

---

⁴ Ч а в у ш — унтер-офицер.

ли и днем, и ночью. Наконец, добрались до Стамбула, дома там такие высокие, что посмотришь — шапка валится. А женщин и мужчин, трамваев и машин так много, что можно подумать, будто пророк затрубил в свою трубу и начался страшный суд. Они расспрашивали прохожих, показывали адрес. В конце концов они попали в большой особняк и нашли Мунисе.

Мать и дочь с трудом узнали друг друга. Кер Сыло почтительно стоял перед Мунисе. В тех краях к нему все относились с пренебрежением. Они не могли долго оставаться в Стамбуле и сразу же отправились в обратный путь. Но дома все вышло не так, как они думали...

Сыло едва удалось спастись. Вернувшись домой, он хотел сорвать злость на жене, но ее не было. Сыло схватил за ногу кошку, спавшую в пепле очага, и вышвырнул ее. Кошка потянулась, встряхнулась и ушла. Сыло свернул старую циновку, сел. Может быть, крестьяне и правы. Эта девушка приносит несчастье. Как только она приехала в деревню, у него все пошло неладно. Сыло никак не мог свести концы с концами. В Стамбуле Мунисе питалась фундуком и фисташками. Ячменного хлеба она поэтому есть не могла. А пшеничный хлеб круглый год даже богачи не ели. На чай, сахар да печенье из лавки ушли все деньги, вырученные от продажи ячменя. От Мунисе не было пользы и на пять курушей. Она говорила, что у нее нет денег. Но разве можно было поверить, чтобы у человека, который двадцать лет прожил в городе, не было денег?

К ней сватались самые уважаемые чиновники. А ей никто не нравился. Надсмотрщика Шахин-эфенди она и близко к себе не подпускала. Чавуш Исмаил-эфенди был ей не пара. А сын Мердан-аги? Ему стоит только рукой махнуть — и сразу явятся сто пятьдесят девушек. Даже он ей не подошел. Мунисе говорила: «Грязные, мерзкие! Чем за них замуж пойти, лучше пусть меня съедят рыбы Стамбула». И всем отказывала. Стыд, совесть забыла, никого не слушает. Ни Аллаха не боится, ни людей не стыдится. Поста не соблюдает, в бога не верит. Голова не прикрыта, ноги голые. Разве она не гневит Аллаха? До вечера бродит, как сумасшедшая,

по полям и холмам. Про нее даже песню сложили: «К Сыло приехала актриса. Попила чаю и пошла за водой».

Маленькие дети, увидя ее, кричат: «Артистка, артистка!» А стихи Маиля! Он настоящий дестан сочинил: «Эдо отправилась в Стамбул. Имя ее стало известно повсюду. Пусть станет жертвой черная корова. Я, черная корова, погибла из-за тебя. Не из-за языков чужих. Ее не взял ни надсмотрщик, ни чавуш. Чеши в затылке, Эдо, чеши. Эта девушка — кара Аллаха».

Вошла Эдо и поставила на скамью смолотую соль. Сыло медленно поднял голову.

— Какого черта ты ушла!

Эдо рассердилась.

— Сам пошел к черту!

Терпение Сыло лопнуло. Он вскочил и бросился к ней.

— Заткнись!

— Опять взбесился! С ума сошел! Отцепись, проклятый!

Сыло схватил лежавшую на полу палку и ударил ею жену, затем швырнул ее на землю, пнул несколько раз ногой.

— С сегодняшнего дня я эту шлюху в дом больше не пущу! Из-за твоего отродья я столько денег истратил! А что толку? Из-за нее меня покинуло счастье, благополучие ушло из дома, в деревню пришла беда. Крестьяне меня ругают и даже песенки стали про меня сочинять!

Открылась дверь. Вошла Мунисе. Мать плакала. Сыло был в бешенстве. Мунисе испугалась и бросилась к матери.

— Мамочка! Мамочка! Что случилось?

Мать запричитала:

— Лучше бы тебя на свете не было! Хоть бы ты никогда к нам не приезжала! Лучше бы ты никогда не видела Коччо! Лучше бы ты никогда не надевала господской одежды вместо кофты и шаровар. На мою голову ты навлекла беду! Из-за тебя обо мне люди стали болтать!

Сыло стоял неподвижно, устремив взгляд в одну точку. Он не знал, как начать. Девушка была не глупа.

Она должна понять, что ей надо как можно скорее убраться из деревни.

Мунисе знала, что это из-за нее поссорились родители. Ей стало страшно. Она ненавидела деревню. Мунисе поняла это, как только приехала сюда. Ей надо было сразу вернуться. Но у нее не было ни гроша. То небольшое, что удалось скопить за двадцать лет, она уже истратила. Мунисе написала своим стамбульским знакомым, прося послать ей денег на дорогу. Но прошло уже два месяца, а ответа не было. Больше она не могла оставаться. Надо убраться. Другого выхода нет. Мунисе схватила чемодан, побросала туда свои вещи.

— Прощайте. — Она быстрыми шагами направилась к двери. Мать удержала ее:

— Куда ты идешь? К кому? В такое время!

— К тому, у кого я была до сих пор.

— Разве можно идти без денег? Подожди до утра!

В дверь постучали, раздался голос сторожа Мысто:

— Эй, дядя Сыло, тебя зовут в совет. Староста велел, чтобы и девушка пришла.

Сыло закричал в бешенстве:

— Скажи этому подлецу, старосте, что она не придет!

— Нельзя. Он говорит, пусть поскорее приходит. Имам то же говорит.

Сторож ушел. Через некоторое время за ним последовал и Сыло.

Деревенский совет изменил решение: Мунисе из деревни не прогонят. Она должна снять городскую одежду и одеться по-деревенски: кофту, шаровары, платок и, конечно, должна надеть яшмак. Затем она покается в мечети перед правоверными. Аллах будет доволен тем, что неверную вернули на путь истины, и пошлет дождь.

После полудня солнце палило немилосердно. Кепчеханун заканчивала свой шестой обход.

Пусть будет идти дождь,
Пусть будет сель,
Пусть наш урожай будет обильным,
Пусть наши мешки будут полны.

Призыв к молитве смешивался с пением хора. Вдали разносилось эхо. Прихожане собирались к намазу.

На Мунисе надели кафтан, сшитый из семи метров материи, поверх него — тулуп, ей покрыли лицо и голову. Мунисе умоляли: «Когда мы избавимся от этой беды, ты наденешь свою прежнюю одежду». Ее и припугнули немного: «Если ты не сделаешь того, что мы говорим, крестьяне тебя растерзают. Бежать тебе некуда».

Мать и жена имама взяли Мунисе под руки и отвели ее в мечеть. Они сели позади мимбера⁵, точно три черных камня, точно три черные тени. Имам напялил на нос очки и стал читать молитвы по книге, которую он держал в руках. Крестьяне, затаив дыхание, слушали имама. Всякий раз, как имам говорил: «Да будет так!» — раздавалось громовое: «Амины!» Закончив молитву, имам поднялся.

— О правоверные! — начал он, — знайте, что причина всех бед и несчастий — непокорные рабы Аллаха. Да спасет пророк всех правоверных от зла, которое причиняют эти бесы. Да простит всевышний прегрешения этих непокорных рабов и нас, грешных, ради всех наших братьев по вере, всех святых и пророков. Да простит Аллах прегрешения тех, кто не совершает молитв, не соблюдает поста, женщин, которые ходят с открытым лицом и совершают недозволенное, и всех грешных рабов своих. Аминь! О братья по вере! Всем вам известно, что главная причина великого несчастья в нашей деревне — женщина, которую привез из Стамбула наш сосед по имени Сыло. Эту женщину души наших святых не приняли. Ангелы остановили дождь. Святые, дающие благополучие, ушли из наших мест. Слушайте же, соседи! Мы хотели выгнать эту женщину из деревни. Но мы совершили бы большой грех. Самое богоугодное дело — обратить в истинную веру отступника. Подобно тому как пророк призывал неверных обратиться в истинную веру, прежде чем убить их, так и мы призовем эту женщину вступить на путь шариата!⁶ Если же она не исправится, ее надо убить. (Голоса: «Верно!»)

О правоверные! Женщину, которая по неразумию сбилась с пути и всеми своими делами оскорбляла твор-

---

⁵ М и м б е р — кафедра в мечети.

⁶ Ш а р и а т — религиозное право мусульман.

ца, женщину, из-за которой нас покинули тени святых, мы призвали обратиться на путь истины. В присутствии своей матери Эдо и женщины, которая помогала ей, а также всех правоверных она клянется, что раскаивается в деяниях, противных нашей вере, и обещает, что отныне не сойдет с пути истины. Дай обет и покайся, отступница!

Мунисе будто окаменела. В толпе раздались голоса:

— Клянись, девушка, клянись!

Имам продолжал:

— А теперь, о отступница, поклянись перед лицом Аллаха, что отныне ты будешь совершать намаз и омовение, не будешь ходить с открытым лицом.

Глаза Мунисе закрылись, пальцы сцепились. Стоявшие рядом говорили: «Ее душат грехи».

Хор Кепче-хатун заканчивал свой последний обход.

Что просит Кепче-хатун?

Она просит дождя у Аллаха.

ХЛЕБ ДЛЯ ПОКОЙНИКА

На склоне холма гоготали гуси. Посевы еще даже не пожелтели. До уборки урожая было далеко.

Вместе с гусями и мы старались насытить свои желудки травой. Жуя съедобную траву, подошел Меджо. Он поглядывал то на меня, то в сторону деревни и пытался что-то сказать. Но рот его был занят, и ничего нельзя было разобрать. Убедившись, наконец, что я ничего не понял, он проглотил часть травы, а другую выплюнул.

— Тебе ведь говорю, собачий сын, оглох, что ли?!

Деревня была от нас недалеко. На краю ее, точно бугор, виднелся наш дом. Остальные дома тоже походили на бугры. Перед нашей дверью большим пламенем горел кизяк. Серый дым клубами поднимался в небо.

— Зачем разожгли такой огонь?

— Раз разожгли, значит, есть на то причина, — многозначительно сказал Меджо.

Какая могла быть причина? Это не было похоже на тот огонь, который обычно разжигают дети, играя возле

дома. Может быть, подожгли помойную яму? Но из ямы еще весной вывезли навоз на поля и там ничего не осталось, что могло бы гореть. Нет, вероятнее всего, мать собралась стирать. Но тогда я знал бы об этом. Ведь подготовка к стирке начинается за неделю: в котел наливают воду, у бакалейщика покупают мыло. Утром мать снимает с меня одежду, и я пасу гусей голым. Да, собственно, у меня и нет рубашки. Только черная блуза. И стирают ее редко. Летом, когда она сохнет, я греюсь на солнце, а зимой сижу в хлеву. Так же бывает и с братьями, и с сестрами. Так что же сейчас собралась мать делать? Может быть, хочет выстирать штаны отца? Он как раз в тот день до вечера не вставал с постели.

— В вашем доме есть больной? — спросил Меджо.

— Брат Али болеет.

Меджо спокойно произнес:

— Твой брат Али умер!

Я удивился:

— А ты откуда знаешь?

Меджо ответил уверенно:

— Греют воду, чтобы обмыть Али.

Возможно, это было правдой. Когда кто-нибудь умирал, перед домом разжигали костер из кизяка, грели воду. Потом перед имамом расстилали ткань, на нее клали мертвого и мыли. Приходили могильщики с лопатами, чтобы копать могилу. Старики перебирали четки и что-то шептали. Молча появлялись люди и так же молча уходили. Нас, детей, желавших посмотреть на покойника, прогоняли.

Меджо показал на собирающихся возле дома людей.

— Вот, видишь, верно я сказал — Али умер!

Во мне зашевелились странные чувства. Хорошо, что умер Али! Я даже хотел этого. Придут соседи, принесут хлеба. Мягкого пшеничного хлеба. Принесут и лепешек: поджаренные до красноты, а посередине дырка. Но я ни кусочка не дам Гюсо, дочке Фатьмы. Она ведь тоже мне не дала! Когда умерла ее мать, им наташили много лепешек. Гюсо взяла одну, а потом, выйдя во двор, прыгая от радости, говорила: «Мать умерла, нам лепешек принесли!» И всю лепешку съела у нас на глазах. Ни кусочка не дала, а только приговаривала: «Пусть и у вас умрет мать, тогда и вам принесут!»

Теперь и я возьму лепешку, выйду на улицу, Гюсо подойдет, попросит, а я скажу: «Пусть и у тебя брат умрет, тогда и вам принесут!».

Но Али ведь был маленький, вероятно, лепешек и не принесут. Может быть, лепешки приносят, только когда ссть взрослые покойники? Детям-то и ячменный хлеб неохотно дают! Ну что ж! Пусть будет хоть ячменный хлеб. Я буду есть его большими кусками, наемся досыта. Ах, если бы действительно умер Али!

Мать моя родила не то тринадцать, не то четырнадцать ребят. Она и сама потеряла им счет. Сейчас нас, оставшихся в живых, всего девять. Самым младшим был Али. Мать говорила, что ему пять лет. Я же на один год старше Али. Как все дети, переболевшие малярией, Али был всегда желтым-прежелтым. Худой, все ребра можно пересчитать. Тоненькие ножки. А голова большая. Али постоянно падал — то вперед, то назад, то набок. Мать больше всех любила Али. Потихоньку приносила ему или яйцо, или кусок хлеба. Но ничего не помогало и он все больше желтел. Как-то раз я вернулся домой очень голодным. Голова кружилась, во рту пересохло. Прислонившись к камням очага, я ждал, когда доварится похлебка из травы эвалик¹. Али сидел напротив и прислушивался к бульканью в кастрюле. Перед ним лежала кошка Пантуш с котятами.

Открылась дверь. Крадущимися шагами вошла мать. Увидя меня, остановилась, посмотрела вокруг. Обратилась к Али:

— Дитяtko, выйди посмотри, не забрались ли гуси в посев.

Али как будто только этого и ждал, сорвался с места и выбежал. Мать последовала за ним. Было ясно, сейчас она ему что-то даст. Она так всегда делала. Бывало, скажет громко:

— Али, погляди, что там в поле!

— Али, принеси воды!

— Али, попроси у соседки решето!

А потом в темном дворе совала ему что-нибудь. Али боялся, что мы отнимем у него, и сразу все съедал.

Но на этот раз я не стерпел обиды. Какая же разни-

---

¹ Эвалик — растение с широкими листьями, выращивается на сильно удобренной земле.

ца? Разве я не такой же сын, как он? Только я собрался выйти — вошла мать.

— Ты сегодня хорошо накормил гусей.

Верно, в тот день я хорошо пас гусей! Их зобы теперь были как курдюки. И все-таки я понял, что на этот раз мать хочет загладить вину.

Не ответив ей, я вышел на улицу. Немного подождал и вошел во двор, чтобы застать Али врасплох. Обыскал все темные уголки — нигде нет. Выбежал на крышу. И там никого. Стал озираться. Наконец увидел. Спрятавшись в яме для мусора, он что-то жевал. Точно орел, набросился я на него и выхватил из руки кусок хлеба. Это был хороший кусок хлеба, величиной с кулак.

Али заревел, как теленок, и бросился к дому. Сейчас скажет матери. Я быстро прикончил хлеб. В глазах посветлело. Показалось, что весь мир изменился. Солнце только что село, и на небе оставалась лишь красная полоса. Туман начал покрывать лиловые холмы, зеленые поля и луга. Над деревней разлился покой. Женщины загоняли во дворы гусей и кур.

Голос матери заставил меня вздрогнуть:

— Ну, свинское отродье!

Я вскочил и помчался как стрела. Мать кричала вслед:

— Не смей есть хлеб! Сейчас же верни!

Но ведь я уже давно разделался с тем куском. Я побежал еще быстрее. Она так и не смогла меня догнать. Бросила вслед камень.

— Подавись ты им, голодный волк! Вот только приходи вечером домой!

Я поднялся на холм, что за домом, спрятался среди больших валунов. Мать вернулась домой, за ней медленно побрел Али. На крышу высыпали братья и сестры. Они искали меня. Но я хорошо спрятался. Сколько ни глядели, так меня и не нашли.

Уже почти совсем стемнело. С озера доносилось кваканье лягушек. Лаяли собаки. Под камнями слышалось шуршание змей. На ум пришли джинны и пери, о которых рассказывала бабушка. Стало страшно. Перед глазами точно мелькали маленькие джинны в белых фесках. Я вздрагивал от каждого шороха. Босые ноги совсем застыли. Хотел прочесть молитву, но ни одной

не мог вспомнить. Дрожа, как в ознобе, я спустился к дому. Забрался в яму.

— Джесо, Джесо! — раздался в темноте голос матери, и все мои страхи вмиг улетели. Мать стояла на крыше и кричала:

— Иди сюда! Где ты там? Честное слово, не буду бить! И даже ничего не скажу!

Сердце мое переполнилось. Больше я не мог сдерживаться и заплакал. По голосу меня и нашла мать.

— Али очень слабый ребенок, он не может, как все, довольствоваться травой. Горлышко у него узенькое. Он может и умереть, — сказала она дрожащим от слез голосом, вытирая глаза концом платка. Мать взяла меня за руку и привела домой.

С того дня Али боялся оставаться со мной. А через несколько дней он занемог. Не ел, не пил. Лицо стало похоже на папиросную бумагу.

У соседей брали целые подносы муки в долг, варили для Али суп. С трудом удавалось его накормить с ложки. Ничего ему уже не помогало.

И вот сейчас Меджо, не отрывая глаз от нашей двери, говорил:

— Честное слово, это умер Али! Если не веришь, погляди сам, вон все потянулись к вашему дому.

Толпа постепенно увеличивалась. Женщины, мужчины, девушки оживленно переговаривались. У крестьян нынче было много свободного времени. Работы на полях уже закончены, а время уборки еще не наступило. Поэтому достаточно было даже самого маленького происшествия, чтобы к нему сразу проявили живой интерес. Пожалуй, и в самом деле умер Али!

А Меджо между тем кричал:

— Я первым догадался, что умер Али, мне и приходится за эту радостную весть!

Я удивленно взглянул на него: что же тут радостного, что Али умер?

— Ну что ты уставился, парень? Сейчас принесут вам в дом хлеб для покойника, еду всякую будут готовить! Пшеничный хлеб принесут! Только чур — одному не есть! Я хочу получить свою долю!

Значит, Меджо знал точно, что и хлеб принесут, и пищу будут варить! Только почему я должен что-то дать ему? Разве дала хоть кому-нибудь девчонка Гюсо?

Пусть умрет брат у Меджо, тогда и он наестся. Эх, жаль, что Али был такой еще маленький! Детям-то, наверно, не много приносят!

— Али ведь был не взрослый, много хлеба не принесут, да и хлеб, наверно, будет овсяный. Мне едва одному хватит.

Меджо возразил:

— Покойник есть покойник! Всем одинаково приносят! Вот столько... — и он широко раскрыл руки.

— А ты откуда знаешь?

— Зимой у дяди умер сын, вот тогда я и видел. Подносами приносили хлеб и разную еду.

Я не мог больше оставаться на месте. Ничего не ответив Меджо, быстро погнал гусей к деревне. Но Меджо собрал своих гусей и пустился вслед за мной. Я разозлился. Ну, он-то зачем тащится?! Я все равно не дам ему ни куска. Ведь, если бы у него умер брат, он бы ничего не дал. Я обернулся и крикнул:

— Напрасно спешишь, брат!

— А тебе-то что за дело? Хочу и иду!

Сейчас было не время затевать с ним драку. Что ж, пусть идет! Я помахивал хворостиной. Гуси шли, мерно покачиваясь. Вдруг один гусенок забежал за бугорок. Я заволновался. Вся надежда нашей семьи — эти гуси. Две гусыни, один гусак да одиннадцать гусят. Всего четырнадцать штук. Шесть из них мы должны были продать. Надо купить матери платье, сестре — кофту. На оставшиеся деньги купить керосину, соли, мыла. Три гусыни и гусак будут пастись до будущего года. А четырех должны зарезать для нас. В день, когда резали гуса, мать варила похлебку и мы здорово наедались. Ложками вычерпывали суп до дна. Бывало, что заходил сосед, и тогда ему также давали кусочек гусятины. К счастью, на этот раз с гусенком ничего не случилось. Просто устал. Я бережно взял его и отнес к остальным.

Меджо, быстро погоняя своих гусей, старался меня обогнать. Я не выдержал:

— Иди тише, собачий сын!

— Сам ты собачий сын! — огрызнулся он.

Я побежал, чтобы загнать гусей в речку, протекающую возле деревни. Меджо сделал то же самое. Вот навязчивый парень! Хочет стать товарищем при дележ-

ке хлеба. Пусть только попробует сказать об этом моей матери, уж тогда обязательно вздую.

Перед нашим домом толпились люди. Грелась вода в закопченном котле, поставленном прямо на костер из кизяка. Мастер Сулейман строгал доски.

Крестьяне поглядывали на меня, но ничего не говорили. Значит, и в самом деле умер Али! Интересно, принесли ли уже хлеб? Я вошел в дом. Здесь слышались рыдания и причитания. Глаза соседок были в слезах. Сестра, увидя меня, подбежала, обняла:

— Черная судьба взяла нашего братика. Наш Али, наш... — И залилась слезами.

Почему же она так плачет? Может быть, все-таки не принесли хлеба? Тут я услышал голос матери. Она стояла на коленях, простоволосая, и громко причитала:

— О мой ягненочек! Дитяtko, не повидавшее солнца! Ушел, так и не увидев при последнем вздохе отца!

Отец в это время работал на поденщине. Заработанные деньги он должен отдать в банк, которому мы задолжали. И снова там же взять взаймы. Вот уже два года он уходит на поденную работу, а долг наш никак не может выплатить.

Мать рвала на себе волосы, била по коленям. Женщины старались ее успокоить:

— Не плачь, сестра! Смерть Али — это участь многих детей!

— Доченька, не плачь! Хорошо, что умер, по крайней мере освободился. А если бы малыш вырос, что хорошего увидел бы он?

— Не плачь, мать, не плачь! Вот если бы Аллах и нас убил, когда мы были маленькими, мы не переживали бы таких дней! Не ведая грехов, мы попали бы прямо в рай! Чистая душа Али полетела к ангелам!

Мать и сестра плакали все больше. А что же эти женщины? Неужели не принесли хлеб для покойника? Может быть, мать и сестра, увидев хлеб, перестали бы плакать?

Я огляделся вокруг. Заметил чужую тарелку, накрытую чем-то сверху. Тарелка накрыта мешочком, значит, там хлеб. А возможно, и другая еда. Едва переводя дыхание, я попробовал дотянуться до мешочка, но не достал. Может быть, кто-нибудь подойдет и даст? Посмотрел на мать — она меня не замечала. Причитания

ее теперь смолкли и она раскачивалась, охватив голову руками. Али лежал на спине. Лицо его было закрыто куском ткани.

Вдруг мать воскликнула: «Дитя мое родное!» — откинула ткань и поцеловала Али в лоб. Лицо его было совсем серое, подбородок подвязан черным ситцем. Полуоткрытые глаза смотрели в одну точку. Веки не двигались.

Вошел Хасан Дадаш. Он был взволнован. Что-то тихо сказал собравшимся в доме. Причитания смолкли. Все будто застыли на своих местах. Дадаш не смог раздобыть денег на саван!

Тут, словно гром, раздался голос дяди Бекира:

— Пойди, скажи бакалейщику Шемо! Пусть не будет собачьим сыном, даст на саван для ребенка! Не сегодня-завтра вернется его отец и отдаст долг!

Хасан Дадаш выбежал из дома. Мои глаза снова были прикованы к накрытой тарелке. Подошла тетя Сельми, приподняла мешочек, взяла небольшой круглый хлебец и... дала мне. Это был мягкий ржаной хлеб. Не дожидаясь, пока принесут еще какую-нибудь пищу, я, схватив хлебец, выбежал на улицу. Куски хлеба с хрустом опускались ко мне в желудок.

Вдруг откуда ни возьмись Меджо:

— Эй, друг, где же моя доля? Я хочу получить плату за хорошую весть!

Я прижал остаток хлеба к груди. Меджо начал просить:

— Ну, дай хоть кусочек! Один кусочек! Чтобы там хорошо было твоему умершему брату Али!

Стали просить и другие ребята. Но мне и самому было мало. Если у них умрут братья, они же не дадут мне.

Меджо подкрался сзади и сильно ударил меня кулаком между лопаток. Я упал ничком. Но хлеб успел спрятать под собой, у живота. Я даже не почувствовал силу удара. Он ударил меня еще раз и ушел, ругаясь:

— Когда умрет у меня кто-нибудь, ни куска тебе не дам! Буду есть у тебя на глазах!

На улице было уже светло. Солнце ласково грело землю. На склонах паслись телята, гуси. Раскрыв крылья, медленно летела в небе стая журавлей. Вдруг появился орел и ринулся на цыплят, сидевших на кры-

ше. Курица, распушив перья, кинулась ему навстречу. Ребята дружно стали бросать камни. Не получив добычи, орел взмыл в воздух.

С минарета раздался голос сторожа Аскера:

— Прибыл сборщик налогов! Каждый, кто не отдаст свой долг государству, будет посажен в тюрьму!

Тетушка Сафие, позже других узнавшая о смерти Али, быстрыми шагами поднималась из нижнего квартала. Вдали прыгали Меджо и другие ребята. Они грозили мне палками. Когда умрут у них братья, они теперь, уж конечно, не дадут мне хлеба!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Гарбузова. Предисловие.</i>	3
Горожане. Перевод <i>В. Гарбузовой</i>	7
Черная бумага. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	23
Старик Кюпели Джефер. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	27
Мечта Хака. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	31
Кыналы заболел. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	34
Хюсейн рассержен. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	39
Сюмбюль должна учиться. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	43
Маленький Ясин. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	50
Девушка из театра. Перевод <i>В. Кондратьева</i>	54
Хлеб для покойника. Перевод <i>В. Гарбузовой</i>	62

Дурсун Акчам
ЧЕРНАЯ БУМАГА
Рассказы

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. М. Кроткова*
Младший редактор *Г. С. Горюнова*
Художник *В. В. Локишин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *А. В. Шандер*

Сдано в набор 6/IX 1974 г. Подписано к печати
14/I 1975 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ.
л. 2,25, Усл. п. л. 3,78. Уч.-изд. л. 3,72. Тираж
15 000 экз. Изд. № 3560. Зак. № 780. Цена 19 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

